

18+

Николай Калифулов

Тайна мастера

Историческое
приключение

Николай Калифулов

**Тайна мастера.
Историческое приключение**

«Издательские решения»

Калифулов Н.

Тайна мастера. Историческое приключение / Н. Калифулов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745833-1

В тридцатых годах прошлого века, проходя службу в советском авиаотряде, военный летчик Генрих Штайнер привлечен чекистами в работу по изобличению германских агентов. А все началось с того, что в юности на территории немецкой колонии Новосаратовка Генрих Штайнер случайно соприкоснулся с тайной своего предка — оружейного мастера Фрица Бича, история, которой началась два века назад в Германии.

ISBN 978-5-44-745833-1

© Калифулов Н.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	27
Глава 4	32
Глава 5	36
Глава 6	39
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	48

Тайна мастера Историческое приключение

Николай Калифулов

*На обложке "Переправа через Ангару в Иркутске" Николай Добровольский, 1886 г.,
Иркутский областной художественный музей им. В.П. Сукачева (www.museum.ru)*

© Николай Калифулов, 2022

ISBN 978-5-4474-5833-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Первые петухи не успели еще совершить свою раннюю перекличку, а дед Карл с внуком уже были на ногах. Старик с беспокойством посмотрел на Генриха и подумал: «Да, парень вырос и скоро уедет, а я останусь один». Тяжело вздохнув, он взял косу и с грустными мыслями двинулся по дороге на ближайший луг.

А между тем жизнерадостный Генрих направился к своему любимому месту у залива. Трава была покрыта холодной росой, и это его взбодрило. Повсюду летали птицы. Они, радуясь новому дню, пели на разные голоса. Вдруг из-под ног выпорхнул фазан и скрылся за ближайшим кустом. Генрих увидел хвост рыжей лисицы, мелькнувшей следом. Это его позабавило, и, ускоряя шаг, он мигом сбросил с себя одежду и с разбегу прыгнул в воду. Вынырнув далеко от берега, он услышал доносившийся девичий смех. Осмотревшись и никого не увидев, тут же лег на спину. Вода здесь круглый год была теплой. Старики говорили, что причиной тому был горячий источник, исходивший из глубины. Поблизости стремительно протекала река, небольшая часть воды попадала сюда, принося прохладу. Генрих плыл на спине и смотрел вверх. Перед ним раскрылся безоблачный голубой небосвод.

«Какая красота!» – подумал он.

Небо заворожило его своим бесконечным пространством и таинственностью. Некоторое время Генрих с замиранием сердца смотрел, как высоко над землей кружил ястреб, высматривая свою жертву. Увидев цель, хищник камнем бросился вниз и скрылся за ближайшим кустом. Генрих продолжал наслаждаться теплой водой и, удерживаясь на спине, заметил, как слабое течение слегка относило его на середину залива. Он любовался голубым небом. Течение приостановилось, и он на минуту замер ощущая, как из глубины исходит тепло. Генрих испытывал блаженство. Неожиданно по всему телу пробежал трепет и чувство страха возникло в его душе. На миг он перестал грести руками, веки его потяжелели и невольно сомкнулись. Что – то неведомое удерживало его на плаву. Чувство страха исчезло, и наступил покой. Словно в сновидении, Генрих плыл по просторам Вселенной, окидывая взором безграничное пространство, усеянное звездами. Сквозь это видение он увидел женский силуэт, смотревший на него. Яркий голубой свет исходил от нее, как от небесного Ангела. Он ощутил, как по всему телу прокатилась волна горячей крови, и почувствовал исходящую от нее материнскую любовь. Внезапно женский силуэт исчез и появился глубокий старец, который медленно шевелил губами. Генрих понял, что старик его о чем-то предупреждал.

Внезапно все исчезло, и Генрих почувствовал под собой уже обжигающую горячую воду, и его потянуло на глубину. Он активно заработал руками и, чуть не захлебнувшись, вынырнул из воды. Свежим воздухом повеяло с реки, охлаждая его разгоряченную голову. Если чему – то нет разумного объяснения, это всегда тревожит. Так и Генрих в смятении быстрым брасом поплыл к берегу. Ощувив под собой твердую почву, он успокоился и, поднявшись на прибрежную возвышенность, неожиданно столкнулся с девушкой.

– Где же ты так долго пропадал? – серьезно спросила она.

Не обращая внимания на ее вопрос, Генрих под впечатлением загадочного события поинтересовался:

– Ты сейчас кого – нибудь видела?

– Да, я наблюдала, как ястреб напал на лисицу, это было очень смешно, – весело проговорила Анна.

– И больше ничего? – настороженно осведомился он.

– Нет, – с оттенком удивления сказала она. – А что я должна была видеть?

– Меня, например, как я плаваю в заливе?

– Что-то ты хитришь. Не надо на меня напускать туман, а лучше скажи, где ты был столько времени?

– Меня не было лишь неделю, а ты уже сердишься, – улыбнувшись, произнес Генрих.

– И все-таки ты не ответил.

– Признаюсь! Я был на полевом аэродроме. Помогал авиаторам и сам многому научился. Теперь я окончательно убедился, что авиация и есть для меня смысл жизни.

– А я думала, что для тебя весь смысл жизни – это я, – тяжело вздохнув, заявила она.

– Ты и авиация – это вся моя жизнь! – радостно воскликнул Генрих.

– Тише ты! Не надо так громко кричать, – смущенно промолвила Анна.

– Пусть все об этом знают – на земле и на небесах, – воодушевленно прокричал он.

Анна улыбнулась, сбросила с себя платье и подбежала к обрыву. Генрих увидел ее гибкую, покрытую легким загаром фигуру. Она поразила его своей грацией. Девушка оглянулась и вызывающе посмотрела на него. Долго не раздумывая, она прыгнула в воду. Следом за ней бросился Генрих.

* * *

Пройдя с полверсты, дед Карл нашел подходящее место и, поплевав на ладоши, принялся за работу. Было ему семьдесят лет, но он был еще крепкий и в косьбе мог дать фору любому молодому. Косил дед не спеша, ровно срезанная трава аккуратно ложилась по левому ряду. Хорошо отбитая коса легко срезала сырую траву. Такая работа приносила ему большое удовольствие. За час работы он мог накосить столько травы, что новичку потребовался бы целый день. Размахивая косой, старик уверенно преодолевал метр за метром. Неожиданно в траве что то лязгнуло: Карл Робертович почувствовал, как коса наткнулась на металлический предмет. Он остановился, отложил косу в сторону и опустил на колени. Раздвинув траву, старик увидел, что из земли немного выступает угол железного ящика. Он вытащил нож и аккуратно стал срезать травяной дерн, где ножом, где руками стал выгребать землю вокруг ящика, освобождая его от плотной почвы. Повозившись немного, старик вытащил кованый ящик. Смахнув сверху остатки грунта, он заметил на крышке ящика вензель с инициалами «FB». Карл Робертович вскрыл крышку и обнаружил аккуратно уложенное оружие. Оно было смазано оружейным маслом и сохранилось. Он присел рядом и задумался: «Кто закопал – неизвестно. А ведь на этом месте когда то давно стоял дом, и я в нем бывал не раз».

– Вот это дела! – прошептал он.

Старик отволлок ящик до ближайшего оврага и, забросав свежескошенной травой, спрятал. Его охватило сильное волнение. Взяв косу, он торопливой походкой направился к дому. По дороге ему встретился сосед Николай Серов – сотрудник местного ГПУ.

– Чем вы так взволнованы, Карл Робертович? – с интересом спросил тот.

– Да вот, накосил травы, теперь надо перевезти домой, – отведя глаза в сторону, солгал старик.

– Я слышал, вы уже не директор школы? – осведомился Серов, пытливо поглядывая на соседа.

– Нет, не директор. Вышел на пенсию.

– Тогда пожелаю вам спокойной старости.

– Благодарю вас, Николай Иванович, – ответил он и машинально поинтересовался: – А вы почему не спешите на службу?

– У меня сегодня выдался выходной денек. Устаю очень – служба изматывает. Решил поудить рыбку – это немного нервы успокаивает, – ответил Серов, пристально поглядывая на своего соседа.

– Удачной вам рыбалки, – пробормотал старик, почувствовав колючий взгляд чекиста, и спешной походкой направился к своему дому. Подойдя ближе, он увидел внука. Генрих сидел

на скамейке и беседовал с Анной. Парень смутился и слегка покраснел. Карл Робертович, нахмурившись, сердито произнес:

– Делом надо заниматься, а не прохлаждаться с девицей.

Услышав строгое замечание, девушка убежала прочь. Генрих обиделся и отвернулся. Старик запряг лошадь и подцепил бричку. Подойдя к внуку, он обнял его и миролюбиво сказал:

– Не обижайся на меня. Мне сейчас нужна помощь твоя.

– Ладно, дедушка, разве я на тебя обижался?

– Верно, внучек, мы всегда находили общий язык. А теперь поехали быстрее, я тебе что-то покажу, – тихо произнес старик.

Они сели в бричку, и гнедая резво рванула с места. Старик торопливо погонял лошадь, а Генрих беспокойно смотрел на деда.

– Куда ты так торопишься? Лошадь загонишь.

– Не хочу, чтобы нас увидели люди.

– Что случилось? – удивленно спросил Генрих.

– Сейчас все поймешь.

Подъехав к месту, старик, спустившись в овраг, смахнул свежескошенную траву. Генрих увидел железный ящик.

– Ну, что там за секреты, показывай! – выкрикнул он.

– Да не кричи ты! Вот привезем домой, там и посмотришь, – недовольно пробурчал старик.

Они перетащили ящик в бричку и быстро вернулись на свою усадьбу. Втащив находку в сарай, старик открыл крышку ящика. Генрих от изумления присвистнул.

– Ого, сколько старинных пистолей! Оружие не простое, отделанное серебром и золотом – штучный товар. Пистолы все разные, и каждый по-своему красив. Очень редкие экземпляры. Место им только в музее.

Старик вынимал пистолы из ящика и, любуясь ими, складывал рядом. На дне ящика он обнаружил плоский предмет, обернутый куском полуистлевшей материи, и, развернув его, произнес:

– Эта штукавина скорее похожа на медную пластину, и на ней видны какие-то непонятные рисунки.

Дед Карл передал внуку находку.

– У тебя глаза моложе, посмотри, что там нарисовано.

Генрих, внимательно рассматривая предмет, сообщил:

– Здесь что-то написано, кажется, одна тысяча семьсот три, наверное, это дата. По всем признакам это историческая ценность, и ее надо сдать в музей.

– Не торопись сдавать, надо самим разобраться, – буркнул старик.

Генриху показалось, что в окне мелькнула чья-то тень. Он выбежал из сарая и посмотрел по сторонам. Боковым зрением Генрих уловил, как у соседа Николая Серова захлопнулась калитка. Он несколько минут пристально смотрел в сторону соседского дома, пытаясь увидеть хозяина, но безрезультатно. «Странно», – прошептал он и вернулся в сарай, где продолжил беседу. – Хорошо, эту находку мы в доме исследуем, оставим ее пока у себя. А вот что будем делать с оружием?

– Оружие надо сдать, – сказал старик, и внук с ним согласился.

Вечером Генрих прилег на кровать. Минувший день навел его на размышления. Последние события промелькнули в его сознании, и на миг он вспомнил свое путешествие к звездам и обжигающую воду в заливе.

* * *

На следующий день Генрих и дед приехали в город. Генрих оставил старика возле брички, а сам вошел в парадную дверь административного здания. Дежурный направил его к сотруд-

нику. В длинном коридоре он быстро нашел нужный кабинет. На дверях была табличка с надписью: «Жданович Г. М.». Генрих потоптался на месте, словно не решаясь войти в кабинет, и, постучав в дверь, переступил порог. За письменным столом сидел военный человек крепкого сложения, на вид лет около сорока.

– К вам можно? – осторожно спросил Генрих.

– Прошу, входите, молодой человек. Вы по какому вопросу?

– Дело в том, что вчера на покосе мой дедушка случайно нашел ящик с оружием, и мы хотели бы его сдать.

Военный сразу же оживился. Он встал и подошел ближе.

– Оружие!? – переспросил он. – Это интересно.

– Да, оружие, – кивнул парень.

– Тебя как зовут?

– Генрих Штайнер.

– А меня Георгий Михайлович.

Жданович подошел к стене, на которой висела топографическая карта.

– Сможешь показать, где это место? – осведомился он.

– Конечно, смогу.

Генрих безошибочно показал место находки.

– Так это рядом с колонией!? – спросил Жданович.

– Да, мы приехали из Новосаратовки.

– Значит, ты коренной житель немецкой колонии?

– Я там родился.

– А где учишься?

– Там же окончил школу.

– Хорошо, Генрих, а теперь пойдем, покажешь мне оружие.

Они вышли из кабинета и направились на улицу, где возле брочки их дожидался Карл Робертович. Жданович подошел ближе и поздоровался со стариком. Дед тут же открыл крышку ящика, и сотрудник ОГПУ внимательно стал рассматривать содержимое.

– Да ведь это оружие старинное и никакой ценности для армии не представляет. Его истинное назначение теперь историческое, – посмеиваясь, добродушно произнес Жданович, – все это нужно сдать в музей. В ящике еще что-нибудь было? – поинтересовался он, внимательно разглядывая пистолы.

– Это все, что мы нашли, – солгал старик.

Сотрудник ОГПУ улыбнулся и произнес:

– Ну что ж. Благодарю вас за находку.

– А теперь поезжайте в городской музей и передайте им эту реликвию. Я думаю, музейщики будут вам очень благодарны.

Вскоре они подъехали к городскому музею. Их встретил сотрудник музея Воронцов. Он тут же вскрыл ящик и заглянул внутрь.

– Здесь старинные пистолы, отделанные серебром и золотом, которые я так долго искал, – обрадовано заявил он.

Воронцов вытащил все предметы из ящика, а потом пристально посмотрел на гостей.

– А еще что-нибудь тут было? – раздраженно спросил он.

– Что вы имеете в виду? – отозвался старик.

– Меня интересует цилиндрический предмет, напоминающий закрытую капсулу, – сказал музейщик.

– Вы же видите, что, кроме кованого железного ящика, здесь нет больше ничего, – в недоумении ответил старик и добавил: – Может быть, вас интересует старинный вензель с латинскими инициалами «FB»?

– Да, интересует. По всем признакам это тот самый ящик, который я разыскиваю, – заключил Воронцов.

* * *

Генрих положил медную пластину размером в два тетрадных листа на стол и тряпкой принялся аккуратно ее протирать, контуры рисунка отчетливо проявились. К нему ближе пододвинулся старик.

– Ну как, разобрался? – спросил он.

– Здесь имеется запись: Xanten 1703. Интересно, что это означает? – осведомился внук. Карл Робертович побледнел.

– Как ты сказал, повтори? – волнуясь, переспросил он.

– Xanten 1703, – медленно произнес Генрих и, взглянув на деда, вскочил с места.

– Что с тобой, дедушка?! – воскликнул он.

– Нет, нет, ничего, это я просто так, – волнуясь, отозвался тот.

– Ты не пугай меня. Что тебя так взволновало?

Дед Карл что-то лихорадочно соображал. Пару минут спустя он пришел в себя и разъяснил недоумевающему внуку:

– Xanten (Ксантен) – это город в Германии, именно оттуда идет наш род и род твоей бабушки.

– А вот еще здесь имеется обозначение в виде странного креста, – вымолвил Генрих.

Карл Робертович, прищурившись, стал разглядывать крест.

– Похоже, этот крючковатый крест где-то я уже видел, – сказал он. – Думаю, надо внимательнее изучить схему рисунка.

– Здесь и изучать нечего, все и так ясно. Это схема окрестностей города Ксантина, даже река обозначена.

– А записи еще есть? – поинтересовался старик.

– Рядом с крестом обозначена река.

– Да, занятно, – вымолвил Карл Робертович.

– Кстати, про Ксантен ты ничего не рассказывал, – с любопытством осведомился Генрих.

– Очевидно, наступило время, – ответил старик.

– Тогда я слушаю тебя, это крайне интересно.

– Дорогой Генрих, а ведь эта находка меня самого заинтересовала. В том месте, где я наткнулся на нее, когда-то давно находился старый дом, принадлежавший родителям твоей бабушки по фамилии Бич. На крышке кованого ящика имеется вензель с инициалами «ФВ». Генеалогическая ветвь рода Бич мне хорошо известна. Она идет с тех времен, когда на свете появился мальчик Фриц Бич, который вырос и стал легендарным оружейным Мастером, от него и начался их род. Из этого следует, что старинные пистолы – это его работа, что подтверждают его инициалы на крышке ящика. На протяжении моей жизни в нашей семье о нем часто говорила твоя бабушка, которая мне поведала, что в начале восемнадцатого века он пошел в услужение к царю Петру Первому. Свои знания и умения он применил в оружейном деле с искусством настоящего Мастера. Учитывая все, что известно о нем, возникает предположение, что схему местности изобразил именно Фриц Бич. У меня имеется тетрадь, в которой записано столько разных легенд о нем. Как видно, наступило время разобраться во всей этой истории.

– Ты мне хоть что –нибудь расскажи из твоих небылиц.

– Вот ты иронизируешь, а зря, но кое-что я тебе, конечно, расскажу.

И старик поведал внуку все, что помнил. Выслушав, Генрих насмешливо произнес:

– Эти слухи за столетия обросли измышлениями до такой степени, что теперь трудно отличить вымысел от правды.

– В чем-то ты, возможно, прав, но сейчас у нас есть медный лист с изображением участка местности, – произнес Карл Робертович и прошелся по комнате. Нахмутив брови и о чем-то раздумывая, он продолжил говорить: – Сейчас трудно делать какие-то выводы, и тем не менее мне ясно одно, что наш предок просто так не стал бы своим потомкам оставлять этот странный рисунок. Думаю, что он пытался таким образом донести до нас какую-то важную информацию.

– Мне кажется, что этот крест, указывающий на реку, показывает на то место, где следует искать. Однако наши усилия бесполезны: город Ксантен находится слишком далеко, и возможностей разыскать это нечто, назовем его клад в реке, к сожалению, у нас нет, – с досадой заявил Генрих.

Карл Робертович, внимательно разглядывая рисунок, вдруг вымолвил:

– Этот крючковатый крест я видел раньше в Среднерогатской колонии у наших родственников. В молодости я ухаживал за твоей бабушкой. Ее родители были не против замужества. Однажды мой будущий тесть достал старую Библию и благословил нас. Когда я прислонился к Библии, то увидел на обложке крючковатый крест, точно такой же, как на этом рисунке. Этот случай мне запомнился на всю жизнь. Потом я узнал, что в их семье эта Библия находилась очень давно.

– А может быть, она принадлежала Фрицу Бичу?

– Этого я не исключаю.

– А где сейчас Библия? Куда она могла исчезнуть? – спросил Генрих.

– Думаю, ее с собой в Германию увезла моя дочь и твоя тетя.

– Дед, а может быть, нам стоит передать эту находку в музей? Пусть они ломают голову над этой историей.

– Нет, вначале я сам попытаюсь разобраться, а там будет видно. А пока припрятать находку, – посоветовал старик.

– Как скажешь, я спрячу ее в нашем тайнике.

* * *

Карл Робертович всю ночь не мог заснуть. Тревожные мысли одолевали его. Знакомый человек шепнул ему о том, что им интересовались сотрудники ОГПУ.

«Странно, зачем я им понадобился?», – размышлял он.

Неожиданно за окном послышались выстрелы. Старик схватил ружье и выскочил на улицу, следом побежал Генрих. Оказавшись в палисаднике, они увидели, как их сосед, отстреливаясь, убегал. За ним бежали несколько человек в военной форме. В одном из преследователей они узнали Ждановича, который, увидев их, быстро приблизился к ним и возбужденно сообщил:

– Матерым волком оказался ваш сосед Николай Серов. Как ловко он скрывал свое истинное лицо!

– А что случилось, Георгий Михайлович? – осведомился старик.

– Случилось убийство, не углядели мы в нем врага, – ответил чекист и, продолжил: – Я вижу, вы выбежали на улицу вместе с внуком. Советую возвратиться в дом, сейчас здесь находится опасно.

– Нам бояться некого, – возразил Карл Робертович.

– Ну, если так, вам видней.

– У меня к вам вопрос, Георгий Михайлович, – неожиданно изрек старик.

– Спрашивайте, да только быстрее.

– Это вы обо мне интересовались в школе?

– Да! Я хотел узнать, какие у вас отношения с вашим соседом. Мне стало известно, что ваш сын, да будет земля ему пухом, воевал с ним в частях Красной Армии.

– Я знаю об этом, – кивнул дед.

– А теперь знайте: по нашим данным, это он повинен в гибели вашего сына и еще кое кого, – сказал Жданович и нахмурился.

– Этого не может быть! С детства они были друзьями! – взволнованно изрек старик.

– Эх, Карл Робертович, многого вы еще не знаете.

Молчаливый вопрос отразился на его лице. Через минуту он грустно проронил:

– Если не знаю, то скажите.

– Пока не могу. А теперь прощайте. Надо спешить, а то уйдет, сволочь! – торопясь, выкрикнул Жданович и побежал, а вскоре скрылся в сумерках.

Старик посмотрел на внука и произнес: – Думаю, произошла какая то ошибка.

Парень промолчал. Ему не верилось, что их сосед оказался негодяем. Старик тяжело вздохнул и сгорбленной походкой потащился к своему порогу. Генрих немного прошелся следом и остановился.

– Ты меня не жди, отдыхай, а я пока подышу свежим воздухом.

– Какой уж теперь отдых, – пробормотал старик, медленно удаляясь к дому.

Парень был взволнован. Оставаясь в саду, Генрих стал прислушиваться к далеким выстрелам и голосам чекистов. Он поднял голову и увидел звездную россыпь ночного неба. Неожиданно появился падающий метеорит и так же внезапно растаял в небосводе. Генрих вспомнил, что в подобных случаях задумывают желание, и он успел его загадать. Он стоял в полной тишине, любясь бездной вселенной. Мир света и тьмы, исходившей из космоса, всегда поражал его своей загадочностью и манил к себе. Именно поэтому, сколько он помнил себя, его всегда тянуло в небо, и это явилось основной причиной в выборе будущей профессии. Мечта стать военным летчиком вдохновляла его. Неожиданно со стороны сарая послышался скрип двери. Он вздрогнул и насторожился. Тихо ступая, он направился на подозрительный шум. Сердце учащенно забилося. Осторожно пробираясь сквозь кустарник, Генрих приблизился к сараю. Увидев, что дверь приоткрыта, он понял, что там кто-то чужой. Генрих снял со стены багор и, зацепив им дверь, распахнул ее.

– А ну выметайся отсюда, пока цел! – крикнул он в темноту.

Внезапно прогремел выстрел. Генрих отпрянул в сторону, и некто, прятаящийся в сарае, выбив у него багор, сильным ударом сбил его с ног и попытался бежать. В последнем рывке Генрих успел схватить неизвестного за ногу и повалить на землю. Мужчина оказался ловким и с разворота ногой оттолкнул парня в сторону, попытался наганом нанести ему удар, однако тренированный Генрих выбил у него оружие и сильным прямым ударом в голову отбросил его на спину. На миг мужчина потерял сознание. При свете луны Генрих внимательно рассмотрел его лицо и с удивлением признал в нем соседа. Он стал трясти его за грудки. Мужчина очнулся и изумленно выпучил глаза.

– Эх, дядя Коля! За что ты в меня стрелял? – с обидой в голосе вымолвил Генрих.

– Прости, я не узнал тебя. Я думал, это Жора со своими людьми преследует меня.

– А в моего отца ты так же стрелял? – выкрикнул Генрих и услышал приближающийся топот ног.

– Да, парень! Это он виновен в гибели твоего отца. У нас есть улики, – сказал неожиданно возвратившийся Жданович.

– Не верь ему, – успел вымолвить сосед, как вдруг получил сильный удар в голову от подоспевшего чекиста. Сосед, охнув, распластался на земле и лежал без движения. Жданович подошел к Генриху и, обняв его, промолвил:

– Ты не верь этой падали, он недавно нашего лучшего чекиста застрелил. Он, гад, повинен и в смерти твоего отца. Мы буквально вчера вечером получили об этом письменное подтверждение. А ты молодец! Помог нам задержать врага Советской власти. Через пару дней обязательно зайди ко мне, есть разговор.

– Хорошо, Георгий Михайлович, непременно буду, – выдавил из себя совершенно потрясенный Генрих Штайнер.

* * *

Спустя несколько дней Генрих и Анна вошли в парадную дверь административного здания и оказались в коридоре. Генрих быстро нашел нужный кабинет и, постучав в дверь, приоткрыл ее.

– Проходи, Генрих, я тебя жду, – добродушно сказал хозяин кабинета.

Молодой человек вошел в просторное помещение, где за письменным столом сидел Жданович, который тут же вышел навстречу гостю.

– У меня к тебе серьезный разговор. Ты помог нам задержать опасного врага Николая Серова, который сумел внедриться в органы ОГПУ. Мне стало известно, что до революции он помогал царской охранке выявлять большевиков, а когда служил в Красной Армии, сотрудничал с белым движением. Нам известно, что, узнав об этом, твой отец хотел его изобличить, но, к сожалению не успел. А ты, Генрих, молодец! От лица ГПУ выношу тебе благодарность.

– Его теперь расстреляют? – спросил Генрих.

– Это решит военный трибунал. Вчера мы его отправили в Москву по специальному запросу центрального аппарата ГПУ.

– Никогда бы не подумал, что Николай Иванович – враг. Вполне добрый и открытый человек.

– К сожалению, его внешний облик и нас ввел в заблуждение. Враги именно так и маскируют свое подлинное лицо. А выявить таких людей способен не каждый. Здесь необходимо чутье, я бы сказал, прирожденный дар, и он у тебя есть. Мне об этом в твоей школе рассказали. Помнишь, как ты спас жизнь одной девушке? Теперь я все про тебя знаю.

– О чем это вы? – смущаясь, спросил Генрих.

– Ты умеешь мысленно на расстоянии предчувствовать беду. Разве не тебе внезапно пришла мысль, что девушка зимой на реке провалилась под лед, и ты побежал спасать ее и вовремя успел. Или я не правду говорю?

– Да, было дело.

– Скажи мне, что ты в этот момент почувствовал?

– Да как вам сказать. Внезапно я почувствовал опасность, и в голове моей возникла картинка с тонущей девушкой. Вот и все.

– Молодец, Генрих! В школе, которую ты окончил с отличием, я интересовался о тебе, и знаешь, что мне сообщили?

Генрих пожал плечами и промолчал.

– Они сказали мне, что у тебя талант к педагогике, ты грамотный, интеллигентный молодой человек. Однако я был удивлен, узнав, что ты хочешь посвятить свою жизнь авиации. Твое стремление стать летчиком я понимаю, тебя тянет на опасные приключения. Такое происходит только в молодости. Поверь мне, с годами это быстро проходит. Неужели тебе хочется подвергать свою жизнь риску?

Генрих ощутил на себе проницательный взгляд своего собеседника. Жданович как бы изучал его, провоцируя его на откровенность, и Генрих сразу понял, какой именно интерес преследует чекист.

– А почему бы нет? Мне нравится риск. И потом, идти на неоправданный риск – это действительно глупо. А когда, например, рискуешь при испытании новейшего самолета, от твоих действий зависит многое и, в частности, будущее этого самолета, тогда этот риск разумный и оправданный. А риск ради риска – это пустое, меня это не интересует.

– Да, Генрих, с каждым разом ты меня удивляешь. Впрочем, у меня к тебе есть другое предложение.

Генрих внимательно посмотрел на Ждановича и понял, какой именно интерес преследует его собеседник.

– Сейчас мы подбираем молодых ребят для учебы в спецшколе с перспективой дальнейшей работы в органах государственной безопасности. Ты хорошо владеешь немецким языком, а там дают особое образование. Уверяю, для тебя это шанс испытать себя на прочность. После окончания учебы предстоит не менее интересная и рискованная работа, которая имеет огромное значение для страны.

– Догадываюсь, что это будет за работа. Пожалуй, ответ будет отрицательным, меня такая перспектива не устраивает. Спасибо вам, Георгий Михайлович, за заботу, но я хотел бы посвятить себя авиации.

– А жаль, на тебя у меня были особые виды, и тем не менее о тебе я позаботился. Я знаю, что пришло несколько путевок в авиашколу, одну из них по моей просьбе для тебя оставили.

– За это вам огромное спасибо. Я в долгу перед вами.

– Хорошо, Генрих. Твои слова о долге я запомню. Передай Карлу Робертовичу привет, а я через неделю уезжаю на новое место назначения.

– А куда, если не секрет?

– Тебе скажу. Я уезжаю в Ливенск.

– Тогда пожелаю вам удачи.

– Благодарю, Генрих. Сейчас выйдем в коридор, и я покажу тебе нужную дверь, где ты получишь путевку в авиашколу.

Они вышли из кабинета и столкнулись с Анной.

– А это кто возле моего кабинета дежурит? – спросил Жданович.

Девушка смутилась, а Генрих мгновенно отреагировал:

– Познакомьтесь, Георгий Михайлович, это Анна Майер, с сегодняшнего дня она моя невеста.

Жданович внимательно посмотрел на девушку.

– Это случайно не та девушка, которую ты спас в реке?

– Она самая, – улыбаясь, вымолвил Генрих.

– Мне очень приятно видеть, что у моего протеже такая красивая невеста.

Девушка покраснела и отвела глаза в сторону. Однако Жданович, обращаясь к девушке, с интересом спросил:

– Генрих хочет быть летчиком, а кем вы хотите стать?

– Хочу быть переводчицей. Скоро я поеду в Москву поступать в университет, – ответила Анна.

– Очень удачный выбор, – радушно произнес Жданович. – В столице живет мой давний приятель, который работает в университете. Он многим мне обязан. Я могу дать вам его адрес и рекомендательное письмо.

Анна засветилась своей очаровательной улыбкой:

– Вы знаете, в Москве проживает моя тетя, но она очень стара, и на нее рассчитывать не приходится. Если вас, конечно, не затруднит, то я бы с удовольствием воспользовалась вашей помощью.

– В таком случае сейчас я быстро вернусь в кабинет и напишу ему письмо. А ты, Генрих, ступай вон в ту дверь, там тебя уже ждут.

При этом чекист показал рукой на нужную дверь. Генрих вошел в помещение, где его вежливо встретили. Военный внимательно посмотрел на вошедшего парня и, догадавшись, кто перед ним стоит, произнес:

– Товарищ Штайнер, по ходатайству Ждановича одну путевку в авиашколу мы оставили вам. Страна сейчас нуждается в летчиках. Вам надлежит через две недели отбыть по месту назначения. У секретаря получите документы – и счастливого пути.

Генрих обрадовался. Он не думал, что его вопрос решится так быстро. Поблагодарив военного и получив у секретаря все необходимые документы, Генрих вышел в коридор, где его ждали Жданович и Анна, которым он радостно объявил:

– Какое совпадение, я буду учиться недалеко от Ливенска.

На лице чекиста скользнула усмешка, и он сказал:

– В таком случае после окончания летной школы я приглашаю тебя служить в Ливенск. Там базируется авиационный отряд.

– Увы, это от меня не зависит. Куда направит командование, туда и поеду служить.

– Земля круглая, и, я думаю, мы еще встретимся, – ответил чекист.

– Благодарю вас за заботу, а теперь нам пора.

Прощавшись со Ждановичем, радостные молодые люди вышли из здания.

– Ну как? – спросила Анна.

– Через две недели уезжаю.

– А я уеду через месяц. Георгий Михайлович просто умница, он написал рекомендательное письмо ректору Московского университета.

* * *

Воронцов многие годы занимался поиском в архивах сведений о странном предмете в виде закрытой цилиндрической капсулы. Все началось с того, что он случайно нашел старинный пергамент, в котором были записи с техническим описанием странного рисунка в виде перевернутой тарелки. Ее копию он передал одному молодому профессору по фамилии Лист. Позже в архивах он обнаружил еще документ, датированный 1703 годом в котором было описание цилиндрического предмета из неизвестного сплава, попавшего на землю из высокоразвитой цивилизации. Ее обладателем был оружейный Мастер из германского города Ксантен по фамилии Фриц Бич, который приехал в Петербург, скрываясь от преследования могущественного тайного ордена.

Воронцов в Ленинграде и в Москве имел много знакомых из архивных учреждений, которые помогали ему в поиске сведений. Были у него личные знакомства не только в архивах, но и в других закрытых учреждениях. Однажды ему позвонила знакомая женщина из канцелярии ОГПУ и сообщила:

– Борис, хочу тебе сообщить, что Николай Серов на допросе сообщил о том, что случайно слышал беседу старика Штайнера со своим внуком Генрихом. Там упоминалось о медной пластине с изображением схемы местности, которую они обнаружили в найденном ящике.

– Почему же они ее утаили и не сдали в музей? – спросил Воронцов.

– Думаю, они сами хотят во всем разобраться. Все логично, Борис. Если бы это был мой предок, я бы тоже так поступила.

– Ну, хорошо. Пусть ищут. Мне все равно сейчас не до них, много работы, да и статью об исторической находке в научный журнал нужно написать.

* * *

Спустя две недели старик медленной походкой подходил к музею. Карл Робертович был не в настроении, накануне он узнал, что директор музея Воронцов опубликовал в научном журнале статью о найденных исторических ценностях времен Петра Первого. В ней упоминается, что он близок к разгадке секретов оружейного Мастера Фрица Бич. Эта тайна кроется в Новосаратовке. В своей статье автор приводит аргументы, что часть находки умышленно была сокрыта.

Старик открыл входную дверь и вошел в помещение музея, где сразу же столкнулся с виновником статьи.

– Вы написали статью «Исчезнувшая реликвия»? – осведомился старик.

– Да, а что вы хотели? – в свою очередь спросил Воронцов.

– Я хотел бы узнать, с чего это вы решили, что я нашел капсулу Мастера Фрица Бича?

– А разве не вы нашли ящик с подарочным набором дорогих пистолей для Петра Первого?

– Да, но я его сдал к вам в музей.

– Верно, но вы забыли нам сдать медную пластину, на которой нарисована схема места захоронения капсулы.

– В ящике ее не было, – солгал Карл Робертович.

– Я не верю вам. В письме Фрица Бича, которое было адресовано царю, упоминается об этом.

– Ну и что? Я здесь при чем? Это лишь ваши предположения.

– Нет, я точно знаю, что вы ее спрятали.

Старик с побелевшим лицом вышел из музея, хлопнув дверью. А между тем, Воронцов уже звонил своей знакомой женщине из ОГПУ и рассказывал о визите старика Штайнера. В ответ она произнесла:

– Полагаю, что старик имеет прямое отношение к наследию Мастера, поэтому он так болезненно переживает. Если бы у него была корыстная заинтересованность, то такие дорогие предметы, как пистолы в золотой и серебряной оправе, он бы не сдал государству. А вы, любезный Борис Алексеевич, никогда не узнали бы об этой находке.

– А Николай Серов, который слышал о секретах старика и на допросе признался в этом? – произнес Воронцов.

– Без наглядного подтверждения, то есть находки, это были бы лишь пустые слова, – ответила она.

– Возможно, вы и правы. Да, кстати, через неделю я уезжаю в Москву на конференцию, посвященную неразгаданной тайне тунгусского метеорита. На днях получил письмо с приглашением.

– Зачем вам это нужно? – осведомилась женщина.

– Там будут представители из Германии. Надеюсь познакомиться со сведущими людьми. Может быть, кто-то слышал о загадочной капсуле. Ведь ее следы тянутся из Германии.

– С трудом в это верится. И тем не менее пожелаю вам успехов.

* * *

На следующий день утро выдалось хмурое. С севера набежали тучи и закрыли все небо до горизонта. Пошел дождь.

«Даже природа плачет, провожая меня в дорогу», – подумал Генрих.

Он посмотрел на небо, потом на луг, на речку, на дом – все было родное, с детства знакомое. Здесь он провел всю свою жизнь, и на душе у него стало тревожно. Он глубоко вздохнул и произнес:

– Все! Прошла юность. Когда еще придется сюда вернуться?

Карл Робертович вызвался проводить внука до станции. На душе появилось волнение, и, еле сдерживая себя от нахлынувших чувств, Генрих запрыгнул в бричку и, обращаясь к деду, громко воскликнул:

– Поехали!

Старик дернул за уздечку, и бричка не торопясь покатила со двора. Лошадь уныло плелась по дороге, как будто понимая долгое расставание с хозяйским внуком. Генрих попросил деда свернуть к знакомой усадьбе. Подъехав к месту, Генрих вошел в избу. Анна сидела на кровати и вязала. Увидев Генриха, она произнесла:

– Значит, уезжаешь?

– Да, Анна, расставание неизбежно, но мы обязательно встретимся.

– Когда? – спросила она.

– Не знаю, может быть, через три года, а может быть и раньше.

Подумав немного, он добавил:

– Ты будешь мне писать?

– Конечно, буду! – тихо всхлипывая, произнесла она.

Генрих обнял ее. Нежные чувства переполняли его.

Карл Робертович ждал и, с беспокойством покуривая, поглядывал на часы. Время бежало быстро. Табачок был хорошего качества, и от этого он получал удовольствие. В его памяти вдруг всплыли далекие годы, когда вот так же он провожал в Германию свою дочь с внуком, и с тех пор минуло уже много лет. Раньше дочь писала, но, когда в четырнадцатом году война началась, письма перестали приходить по понятным причинам. Что с ними сейчас, старик не знал.

«Теперь увидеть их уже не доведется», – с сожалением подумал он.

Прошло еще несколько минут, время поджимало.

– Долго, долго прощаешься, внучек, опаздываем на поезд, – нервно изрек старик.

Наконец, раскрасневшийся Генрих выбежал из дома, запрыгнул в бричку, и лошадь побегала рысцей. Весь путь следования дед с внуком молчали. Быстро преодолев оставшееся расстояние, они въехали в город и доехали до вокзала. Паровоз стоял под парами, как будто специально дожидаясь своего последнего пассажира.

– Давай прощаться, Генрих.

Дед смотрел на внука, и на глаза его навернулись слезы. Он обнял внука и произнес:

– Наш род с екатерининских времен Российскому Отечеству верой и правдой служил, и ты не подведи. Да хранит тебя Бог. Прощай!

Паровоз дернул состав и медленно потянул его всей своей мощью. Старик с грустью смотрел вслед уходящему поезду. Уже последний вагон скрылся за горизонтом, а он все стоял и смотрел вдаль.

* * *

В Москву на научную конференцию съехались со всего Советского Союза именитые ученые, занимающиеся разгадкой необычных явлений, происходящих на Земле. Были там и несколько делегатов из Германии. Выступающих было много, и лишь в конце дня Воронцову удалось выйти на трибуну с кратким объявлением, где он упомянул о капсуле. После выступления к нему обратилась немка зрелого возраста:

– Борис Алексеевич, мое имя Мария Ориск. Я из Берлина. Меня заинтересовала эта история.

– Я очень рад, что интерес к капсуле существует не только у нас, но и в Германии.

– Дело в том, что я слышала раньше эту историю об оружейном Мастере Фрице Биче. Два столетия назад эта капсула принадлежала одной влиятельной и богатой семье в Ксантене. Фриц учился у них оружейному мастерству. Войдя к ним в доверие, он украл капсулу и покинул Германию. После прочтения вашей статьи в научном журнале я узнала, что ее следы ведут в Новосаратовку. Я, собственно, приехала на эту конференцию только по этой причине, рассчитывая на нашу встречу.

– Теперь я понимаю, что письмо с приглашением на конференцию я получил при вашем содействии.

– Да, через нашего посла я просила организаторов конференции, чтобы мне помогли вас разыскать.

– Так что вы хотите? – спросил Воронцов.

– Я хочу, чтобы историческая справедливость восторжествовала.

– Значит, вы хотите вернуть капсулу настоящим владельцам.

– Потомки тех предков просили меня выполнить их просьбу.

– Я вам ничего не обещаю, поскольку нет документальных доказательств ее принадлежности вашим друзьям. А у нас имеются документы, которые подтверждают, что владельцем капсулы был все таки Мастер Фриц Бич.

- У нас есть другие доказательства.
- В таком случае прошу их предъявить.
- Их предъявить невозможно, это тайна нашего правительства.
- В таком случае помочь ничем не смогу.
- Может быть, будет достаточно, если вы встретитесь с моим супругом?

В этот момент к ним подошел полноватый пожилой мужчина с залысиной на голове. Воронцов смотрел на него, и ему показалось, что этого человека он уже видел раньше.

– Меня зовут Вернер Лист. Неужели вы меня забыли? Помните Берлин двадцать пять лет назад и старинную рукопись с чертежами, которую я у вас купил за хорошую сумму. В то время мы с вами часто общались и даже были друзьями, а потом вы куда то пропали.

– Да, я вспомнил вас. Эти чертежи я никогда бы вам не продал, если бы не нуждался в деньгах, но все равно эти деньги не спасли мою жену – она умерла и похоронена в Берлине, а вскоре я покинул Германию.

- Конечно, жаль ее. Она была очень красивая.
- А вы, профессор, по-прежнему занимаетесь этим делом.
- Да, Борис Алексеевич, эти чертежи стали делом всей моей жизни.
- И моей жизни тоже, – с грустью вымолвил Воронцов.

Профессор улыбнулся и произнес:

– Как ни парадоксально, но цель у нас одна. Чертежи я вам возвращаю, но с одним условием.

- Никаких условий, если вы хотите, чтобы я вам помогал.
- На что вы рассчитываете? – осведомился профессор Лист.
- Мне нужно совсем немного – иметь достаточно денег, чтобы я смог оставшиеся годы прожить в том городе, где я навсегда оставил мою жену.
- Вот и хорошо, Борис Алексеевич, это меня вполне устраивает.

Прошел один год.

В кабинет начальника иностранного отдела аппарата ГПУ робко вошел интеллигентный старичок в пенсне. Волнение и трепет проявлялись на его лице. Поняв внутреннее состояние посетителя, начальник вежливо предложил ему присесть и, взяв инициативу в свои руки, стал говорить:

– Уважаемый профессор, вчера я получил от вас краткое письмо, и, скажу вам честно, его содержание вызвало у меня некоторое недоумение. Сегодня я пригласил вас сюда для разъяснений. Итак, я вас слушаю.

– Я приехал недавно из зарубежной командировки. Посетил Швейцарию. Встречался на симпозиуме с европейскими учеными. Предметом обсуждения были вопросы, связанные с молекулярной физикой.

– Извините, Моисей Казимирович, – прервал Берзниш. – Мне бы хотелось, чтобы преамбулу вы опустили и перешли к конкретике.

– Хорошо, Ян Карлович. Дело в том, что в Берне я встретил своих коллег по науке – профессора Зэхта и профессора Листа. До революции мне довелось с ними некоторое время работать на одной кафедре в Берлинском университете. Тогда у нас возникла идея разработать летательный аппарат, способный перемещаться в космическом пространстве. Инициатором этой идеи был профессор Лист. Именно он показал нам некоторые чертежи аппарата. Точка зрения его кардинально меняла наше представление о летательных аппаратах. Это была конструкция дискообразной формы, в которой использовался принцип закрутки тонких физических полей. Я не буду вдаваться в детали, но скажу главное, что на эту идею самого профес-

сора Листа натолкнул некий музейщик из Петербурга по фамилии Воронцов, который совершенно далек от физики.

– Весьма странно. Откуда у музейного служащего может возникнуть такой научный аргумент, чтобы убедить ученого профессора?

– Об этом мне не известно. Я знаю лишь, что Воронцов отыскал в архивах старые бумаги еще со времен Петра-Первого и после этого стал заниматься поиском какой-то капсулы из неизвестного сплава, якобы попавшей на Землю из высокоразвитой цивилизации примерно два столетия назад.

– М-м-да-а, уж эти мне музейщики наковыряют в архивах подозрительные материалы и из всякого пустяка готовы раздуть сенсацию. Скажу вам прямо, у него богатая фантазия недалекого, скорее, психически больного человека. А вы, ученые, идете у него на поводу.

– Нет, нет. Я не соглашусь с вами, товарищ Берзниш. В тех сведениях, которые были представлены профессором Листом, четко прослеживается кардинально новое направление в физике, которое ранее не было известно науке.

– Значит, вы считаете, что в этой идее есть не только здравый смысл, но и перспективное направление в науке?

– Да! И, похоже, оно может привести к технологическому рывку.

– Даже так! – удивился Берзниш.

– Больше хочу сказать: мы с профессором Эйгеном Зэхтом подключились к предложенной работе профессора Листа, и у нас кое что стало получаться, но для проведения последующих исследований потребовалась бы солидная лаборатория с научным оборудованием, что стоило немалых денег, и проект запретили. Вскоре мы с профессором Зэхтом покинули Германию и уехали в Россию, где нас приветили в Московском университете и предложили кафедру. К сожалению, эта идея здесь тоже не прижилась, да мы, собственно, ее, и не афишировали. Потом о ней совсем забыли.

– Это все, что вы мне хотели рассказать? – осведомился Берзниш.

– Не торопите меня. Я хочу сказать вам главное. Уже в наше время, когда прошли годы с тех давних пор и мы постарели, произошли некоторые события здесь, в Москве. Начались гонения и травля на ученую элиту. Профессора Зэхта лишили кафедры, и заниматься наукой, он вынужден был уехать в Голландию. Так вот, вернемся к моей командировке. На симпозиуме в Берне я узнал, что профессор Зэхт заведует лабораторией в Голландии и увлекся идеей профессора Листа.

– Значит, эту идею он все таки не выкинул из головы? – с любопытством спросил Берзниш.

– Я точно знаю, что он занимается именно этой проблемой, воплощает ее в жизнь.

– Сожалею, что мы потеряли талантливого ученого. Вероятно, назад он уже вряд ли вернется.

– Сейчас уже поздно говорить о его возвращении. Шанс упущен. А к делу, которым он занимается, близко не подпустят потому, что в его лабораторию вложены огромные финансы.

– И кто же вложил деньги в это дело?

– Это частные деньги, а вложил их миллионер из Германии, старый барон Отто фон Райнер.

– Почему старый барон? Вероятно, существует и молодой барон?

– Да, у него есть сын – молодой Отто фон Райнер.

– Чем же они занимаются? – осведомился Берзниш.

– Насколько я наслышан, они оба военные. Старый барон – это генерал в отставке, а молодой служит в руководстве рейхсвера и увлечен так же, как его отец, самолетостроением.

– Тогда все понятно. Мне даже понятно, почему лаборатория находится на территории Голландии.

– Совершенно верно, это следствие Версальского договора и общего промышленного упадка в Германии. Однако если баланс сил на политической арене изменится, то во всех сферах экономической деятельности все поменяется. Сейчас нацистская партия набирает обороты. Я не удивлюсь, что вскоре среди депутатов она займет большинство.

– Согласен с вами, действительно, прогноз неутешительный.

Берзниш замолчал, а спустя минуту спросил:

– А что же инициатор этой идеи, профессор Лист? Чем он занимается? Наверное, сотрудничает с профессором Зэхтом.

– Нет, с ним он не сотрудничает, – задумчиво произнес профессор Нудельман, – слишком честолюбив Вернер Лист. Он о своей научной работе не распространялся, ушел в тень, даже не знаю, чем занимается. Во всяком случае, при встрече со мной о себе он умолчал, вероятно, преподает там же, в Берлинском университете.

Ян Берзниш и профессор Нудельман еще некоторое время обсуждали этот непростой вопрос, и по мере их общения Берзниш все острее понимал, что идея, которую обнажил профессор, была чрезвычайно интересной и требовала от него более глубокой проработки. Хотя этот вопрос на сегодняшний день был крайне неактуальный, и тем не менее, думая о будущем, он решил привлечь к этой работе своего лучшего сотрудника, который находился на нелегальной работе в Берлине.

«Думаю, именно он способен справиться с этой весьма сложной задачей», – размышлял Берзниш.

Глава 2

Прошло два года.

Все обитатели дачного домика готовились к ужину. В столовой комнате в кресле сидел шестидесятилетний профессор Московского университета Моисей Казимирович Нудельман, худощавый, ниже среднего роста, с седыми волосами мужчина. Он был увлечен чтением письма. Хмыкая и теребя усы, он возбужденно восклицал:

– Не может быть! Не может быть!

В комнату тихо вошла его жена Фаина Васильевна, полная, небольшого роста женщина, на вид лет пятидесяти, со смолистыми волосами на голове.

Посмотрев на раздраженного и чем-то недовольного профессора, она спросила:

– Что случилось, Моисей?

Профессор, засуетившись в кресле, недовольно произнес:

– Эти неучи опять уволили почтенных профессоров. Я это так не оставлю. Я пойду опять жаловаться.

Хозяйка его перебила и хмуро заявила:

– Никуда жаловаться ты не пойдешь. Я не пущу. Вот сидишь и сиди ректором университета – занимайся научной работой и пиши свои статьи. А политикой заниматься – я запрещаю. Еще не хватало, чтобы тебя выгнали из университета, как твоего друга.

Радостные и возбужденные, в столовую комнату вошли молодые люди – военный летчик Генрих Штайнер, среднего роста и спортивного телосложения голубоглазый брюнет, и его невеста, красивая студентка Анна Майер с каштановыми волосами на голове, которая промолвила:

– Фаина Васильевна, нам так хорошо у вас, цветами и сиренью пахнет, как дома.

– А вы не спешили бы с отъездом, погостили еще.

– С удовольствием, но у Генриха отпуск заканчивается, а у меня экзамены на носу.

– Я понимаю – у него служба, а тебя после экзаменов милости прошу. Профессор очень нуждается в твоих переводах, ты же знаешь, ему угодить очень трудно. Это можешь только ты со знанием нескольких языков и своим терпеливым характером.

Увидев с подносом кухарку, Фаина Васильевна воскликнула:

– А вот и ужин готов.

Хозяйка с кухаркой стали накрывать на стол, и к ним присоединилась Анна. А в это время Генрих и профессор уже вели непринужденную беседу.

– Значит, вам известны новинки? – спросил Генрих.

– Пока порадовать выпуском отечественного истребителя не могу, но как летчику по секрету сообщу, – доверительным тоном произнес профессор. – Недавно в Голландии была закуплена партия истребителей «Фоккер ФД11». Думаю, вам представится возможность летать на них.

– Надеюсь на это. Да вот только жаль, что наши конструкторы не могут создать мощный истребитель, способный противостоять серии «фоккеров», – вымолвил Генрих.

Профессор недовольно хмыкнул и сказал:

– К сожалению, много талантливых людей покинули страну. Сейчас продолжаются гонения на ученую элиту. Сталин одержим властью и занят укреплением своих позиций, поэтому всюду ему мерещатся враги, даже среди ученых.

– В вас говорит какая-то обида, – изрек Штайнер.

– Эх, Генрих! Молодой вы еще, многого не понимаете. Сейчас я думаю о своем друге и талантливом ученом, который вынужден был эмигрировать в Голландию. Я знаю, вы меня

сейчас не поймете, сколько бы я ни приводил контраргументов. Одно я знаю: страна потеряла крупного ученого конструктора, а я потерял своего друга профессора Эйгена Зэхта, и для нас это невосполнимая потеря.

Профессор извлек из альбома фотографию и передал ее собеседнику. Генрих с интересом взглянул на фотоснимок: на фоне дачного домика на него смотрели двое ученых. Их лица сияли улыбкой. Он невольно подумал: «они даже чем-то удивительно похожи между собой».

Профессор задумчиво сообщил:

– Мне приходилось встречаться со многими немецкими учеными, и хочу отметить, что среди них мне попадалось много умных и порядочных людей. Сейчас Германия обременена Версальским договором, полагаю, что это ненадолго. Я знаю, там есть грозные силы, которые в ближайшее время изменят унижительное положение Германии в Европе. Поверьте мне, старому и опытному еврею.

– Возможно, Моисей Казимирович. Я пока недостаточно хорошо владею обстановкой в Германии, чтобы прогнозировать ситуацию.

– А там и прогнозировать не нужно, все и так ясно, стоит лишь прочитать передовицу в газете.

– Чтобы прогнозировать положение дел в Германии, думаю, той информации в газете будет недостаточно. Все гораздо сложнее.

– Может быть, вы и правы.

Внезапно в разговор вмешалась хозяйка и пригласила присутствующих к ужину. Удобно расположившись вокруг стола, молодые смотрели на изобилие блюд, и каждый примерялся съесть что-либо вкусное, но чувство стеснения сдерживало их, они ждали хозяина. Моисей Казимирович произнес тост, попросил гостей быть посмелей и откусывать что Бог послал. Вдруг, что-то вспомнив, он быстро выскочил из-за стола и, подбежав к патефону, крутанул несколько раз кривую ручку. Пластинка заиграла знакомую всем старинную мелодию.

Стол ломился от дефицитных, с мастерством приготовленных блюд. Хозяйка угостила домашней наливкой. Вино, на радость гостям, было вкусное и крепкое, что позволило слегка раскрепоститься. Радостное настроение, шутки и смех положительно влияли на непринужденное общение присутствующих людей. Вот зазвучала другая пластинка. Послышались звуки старинного танго. Генрих, повинувшись порывам влюбленности, пригласил Анну на танец. Чтобы им не мешать, профессор с женой тихо вышли из комнаты, предоставив гостям уединение.

Молодые медленно танцевали танец, прижавшись друг к другу. Генрих обнял невесту. Запах ее каштановых волос его манил и дурманил. Голова его кружилась от прикосновения нежных губ. Страстное желание овладевало влюбленными. Он тихо шептал ей ласковые слова, ее обворожительная улыбка отвечала взаимностью. Малиновый закат на горизонте напоминал им, что этот чудесный вечер заканчивается. В небе появился полумесяц, и звезды усыпали небосвод. Наступила ночь, тихая и безмолвная.

Утром Анну привлек цветущий запах весны. Повернув голову, она увидела рядом букет полевых цветов. Лицо ее засветилось счастливой улыбкой.

– Ой, как мило, – прошептала она.

Уткнувшись лицом в цветы, она ощутила ласку нежных лепестков. Они радовали ее своим весенним ароматом. Девушка подошла к окну и увидела Генриха, который стоял в траве босиком и слушал щебетанье птиц. Услышав оклик, он повернул голову и улыбнулся. Подбежав к ней, Генрих взял Анну на руки и стал кружить ее вокруг себя. Она прижималась к нему, боясь, как птичка, выпорхнуть из его объятий.

– Уронишь! – звонко смеясь, кричала Анна.

Веселые восклицания этой молодой пары долетели до хозяйки.

«Резвятся, как дети. Какое счастье – видеть такую пару», – подумала она, потом, как будто бы что-то вспомнив, Фаина Васильевна устремила на кухню.

* * *

После завтрака Генрих с Анной попросили у хозяев удочки. Как настоящие рыбаки, они собрали рыболовные снасти и разную снедь. Фаина Васильевна вслед им заявила:

– Смотрите, без улова не возвращайтесь.

– Не волнуйтесь, тетя Фая, на жаренку мы обязательно поймаем. Ждите нас вечером, – с оптимизмом ответила Анна.

– Знаю я вас, уединиться от стариков хотите.

Молодые рассмеялись и пошли к пруду. На берегу они нашли укромное место и закинули удочки, ожидая клева. Генрих увидел, как резко под водой исчез поплавок, он отреагировал мгновенно – подсек удилищем и вытащил рыбу.

– Вот и первый карась, – воскликнул он радостно.

Анна весело закричала:

– Ура! Ура!

– Тише, тише, любимая, иначе всех рыб распугаешь.

Вдруг заклевало у Анны. Поплавок задержался и начал водить по кругу.

– Не спеши, не спеши, пусть заглотнет, – заговорщицки произнес Генрих.

В этот момент поплавок пропал и потянул за собой леску.

– Подсекай! – крикнул Генрих.

Анна дернула удилище вверх, и из воды выскочила большая рыба.

– На берег ее! На берег! – воодушевленно закричал Генрих.

Упав на землю, рыба не сдавалась, подпрыгивая, она попыталась вернуться обратно в речку. Но вовремя подоспевший рыбак схватил ее и бросил в ведро.

– Вот это карп! – радостно воскликнул Генрих и, взяв свою невесту на руки, стал кружить ее вокруг себя. Она прижималась к нему, боясь выпасть из его объятий.

– Уронишь, – смеялась Анна, и тут же они повалились на траву. Генрих нежно обнял невесту и стал страстно целовать, она отвечала взаимностью.

К вечеру, уставшие, они вернулись на дачу. После ужина молодые люди вышли на вечернюю прогулку. Свежий весенний воздух потянул прохладой. Вновь распустившиеся зеленые лепесточки березы трепетали на ветру, приглашая влюбленных под крону дерева. Как будто услышав их, Генрих и Анна присели здесь же, на скамейку. Они, задумавшись, смотрели вдаль, видя, как на горизонте догорает закат. Разлука уже близка. Тревожила лишь одна мысль: когда они встретятся вновь и что ждет их впереди?

* * *

Быстро пролетели дни райской жизни в деревне. Пришло время расставания. Анна осталась в Москве, а Генрих, прежде чем уехать на место своего назначения, решил на пару дней съездить в Новосаратовку. Старик встретил его с радостью и после продолжительных разговоров вечером они пошли купаться на свое любимое место у залива – тихую заводь. Вода здесь, как всегда, была теплая, и они с удовольствием выкупались. Выйдя на берег, они расположились в траве и негромко вели свою беседу. Старик рассказывал о новостях, связанных с находкой.

– Надоели они мне, то и дело ходят с требованием отдать медную пластину. Особенно активен среди них заведующий музеем Воронцов. Откуда они только узнали о ней, будь она неладна.

– Полагаю, это наш сосед Серов сообщил им об этом.

– С чего это ты взял? – в недоумении спросил старик.

– В тот день, когда мы рассматривали содержимое ящика и эмоционально обсуждали находку, я видел в окошке промелькнувшую тень. Помнишь, я тогда внезапно выскочил из сарая?

– Да, помню, – ответил старик.

– Так вот, тогда я видел, что у соседей хлопнула калитка. А это значит, что кто то успел туда забежать. Посторонний в чужой дом прятаться не побежит. Остается одно: это был наш сосед.

– Железная логика, – ответил Карл Робертович.

Генрих, немного подумав, произнес:

– Если мы не сдали ее государству, то я советую от нее избавиться. Схему местности мы и так помним.

– Верно, а каким образом предлагаешь избавиться? – поинтересовался дед.

– Да хоть выбросить ее тут же в воду. Глубина в заливе большая.

Старик вдруг достал из сумки медную пластину, намереваясь выбросить в воду. Однако внук неожиданно сказал:

– А ну ка постой, дай взглянуть напоследок.

Генрих стал внимательно разглядывать медный лист.

– А тебе не кажется странным, что он слишком толстый?

Он показал его старику и сказал:

– Смотри внимательней: края свальцованы.

Подняв с земли увесистый камень, Генрих несколько раз ударил по листу, медь развалилась на две половины, и с внутренней стороны вывалился кусок необычной бумаги. Он тут же поднял полуистлевший клочок: это была часть рукописи, на ней слабо проступал вензель с латинскими инициалами «FB». Основная часть бумаги совершенно попортилась временем и для чтения была не пригодна. Сохранилось только ее окончание. Генрих с трудом читал манускрипт, еле различая готическую пропись:

«...они, как Ангелы небесные, с ярким свечением на колесницах кружились надо мной, поражая меня своей фееричной красотой. И в последний раз, как будто бы прощаясь, пролетели над моей головой, словно голубые Ангелы, и скрылись в бездне ночного неба, оставив лишь на память мне этот странный цилиндрический предмет. Я был поражен, и лишь в голове моей отпечаталось их мысленное послание: „Когда придет время, она сама раскроется и засияет ярким радужным светом, это значит, пришла Эра совершенства – новая раса человечества, именуемая Шестой цивилизацией“».

Старик и внук были потрясены. Карл Робертович взял в руки одну из половинок и стал разглядывать.

– Что ты там нашел? – осведомился Генрих.

– Да, – ответил старик, – это схема местности не города Ксантена, а наших мест.

– Почему ты так решил?

– Я долго смотрю на схему участка местности и начинаю ее узнавать, ведь здесь обозначены все наши дороги, прилегающие к Новосаратовке, и даже знакомый изгиб реки: это наш залив.

– А почему здесь указано название города – Ксантен? – спросил Генрих.

– Я думаю, что это сделано намеренно.

– Если это действительно так, то там спрятано что то очень серьезное и Фриц Бич должен был оставить своим потомкам хоть какой-нибудь след, например, письмо или другую информацию.

– Теперь я припоминаю одну легенду о том, что где-то в этих краях зарыта в землю могучая сила, от которой исходит тепло, и если ее откопают, то она приведет людей к катастрофе.

– Почему обязательно к катастрофе? Может быть, наоборот, поможет человечеству развиваться дальше? – спросил Генрих.

– Нет, дорогой Генрих, пока на Земле и в головах людей не искоренятся семь смертных грехов, указанных в Библии, человеку нельзя доверять и давать возможность воспользоваться этой могущественной силой, – ответил старик.

– Ты, конечно, вправе думать как угодно, но решать за людей тебе никто права не давал. Кроме плохих людей есть и хорошие люди.

– К сожалению, хорошие люди по своей простоте и наивности слишком далеки от всей этой мерзости и в своем стремлении к созиданию не замечают, а может быть, просто не хотят вникать в происходящие негативные процессы.

– Наверное, им просто некогда об этом думать, – сказал Генрих.

– А думать надо обо всем. Считаю, что нужно приложить усилия для того, чтобы тайна Фрица Бича не попала в руки человечества, – произнес Карл Робертович.

– И все-таки не нужно огульно все обобщать. Она должна быть найдена и попасть в надежные руки, – изрек новоиспеченный летчик.

Генрих собрал две половинки и выбросил их подальше от берега в воду.

– Да, Генрих, мнения наши совпали. Пусть эта вода и хранит тайну капсулы легендарного оружейного мастера Фрица Бича, – грустно промолвил старик.

Они еще долго сидели на берегу залива и о чем-то тихо вели доверительную беседу.

* * *

Прибыв на место службы, Генрих Штайнер был назначен в первую эскадрилью авиатряда ВВС РККА. Воинское подразделение было расположено на северо западной окраине Ливенска. Здесь же рядом располагалась секретная немецкая авиашкола.

Генрих целыми днями пропадал на аэродроме, если не было полетов, он изучал карту местности, совместно с техником готовил самолет к вылету. В один из дней, свободных от полетов его пригласили в штаб, и начальник предложил почитать документ. В нем сообщалось:

«... Обучение летчиков в Германии происходило в спортивных авиационных школах и в центре подготовки пилотов гражданской авиации (Deutsche Verkehrsflieger-Schule). Однако в связи с запретом на военную авиацию в Германии оно проходило на легких учебных самолетах или на пассажирских „юнкерах“. Это не давало возможности полноценно подготовить будущих военных пилотов и летчиков наблюдателей. По этой причине и возникла идея создания секретной авиашколы за рубежом, где немецкие пилоты могли бы совершенствовать свой опыт на новейших боевых самолетах. После подписания Раппальского договора между рейхсвером и Красной Армией было заключено секретное соглашение о сотрудничестве. Германии разрешили организацию в России объектов для испытания запрещенной Версальским договором военной техники и обучения военных кадров. Немецкое руководство обещало, в свою очередь, содействовать экспорту немецкого технического опыта для развития оборонной промышленности России. Кроме того, советская сторона получала право на участие в испытаниях немецкой военной техники, в том числе новейших образцов военных самолетов...».

Внимательно прочитав документ, Штайнер задумался, понимая, что назревают какие то события. Он ощутил на себе пристальный взгляд и, невольно обернувшись, увидел вошедшего в кабинет военного человека, примерно сорока лет, среднего роста и крепкого телосложения мужчину, в облике которого проглядывались знакомые черты. В его подтянутой фигуре чувствовалось скрытая сила. Тот подошел к Генриху и протянул руку.

– Ну, здравствуй, Генрих, что удивлен? А я рад тебя видеть снова.

– Здравствуйте, Георгий Михайлович, – взволнованно произнес Генрих.

– А помнишь, в Ленинграде я тебе говорил, что мы обязательно встретимся?

– Помню все и о долге тоже. Я благодарен вам за путевку в летную школу.

– Не надо меня благодарить, ты это заслужил, с твоей помощью мы тогда обезвредили опасного врага Николая Серова. Ну ладно, пока не будем об этом говорить.

И Жданович живо стал расспрашивать Генриха о дедушке, о невесте, а затем, удовлетворенный новостями, с интересом осведомился: – Прочитал директиву?

Генрих кивнул головой.

– Каково твое мнение? – спросил чекист, пристально рассматривая собеседника.

После минутного замешательства Генрих ответил:

– Сотрудничество с Германией на сегодняшний день для нас выгодно.

– Правильно! Германия по договору с нами испытывает здесь новейшую авиационную технику. Недавно на немецкую базу прибыл Гельмут Хюбнер, который является инициатором превращения немецкой авиашколы в испытательную станцию. По соглашению сторон наши летчики также будут принимать участие в испытаниях самолетов и авиаоборудования. Для этого мы подбираем наиболее подходящих летчиков. Выбор пал и на тебя. Работа предстоит интересная, – Жданович испытующе смотрел на Генриха, а потом продолжил: – Здесь я работаю начальником ОГПУ, и у меня к тебе будет важное поручение. Тебе необходимо будет чаще общаться с немецкими товарищами, среди них есть люди, которые работают на германскую разведку, их надо любыми возможными способами обнаружить. Знание немецкого языка поможет тебе в общении с ними. Конечно, для этого нужно будет время. С завтрашнего дня ты с несколькими летчиками будешь откомандирован в немецкую авиашколу для усовершенствования летного мастерства на современных германских истребителях. В этой связи мне хотелось бы услышать твое мнение.

– Я рад за доверие, но боюсь, у меня ничего не получится!

– Не боги горшки обжигают. Я тебя всему научу.

– Ну, если так, то я попробую.

Жданович прошелся по комнате, о чем-то размышляя, остановился и продолжил:

– В процессе общения с германским персоналом могут возникнуть любые темы разговоров. Они могут тебя прощупывать на предмет того, как ты относишься к Советской власти, каковы твои политические взгляды. Как ты поведешь себя в такой ситуации?

– Как истинный патриот.

Жданович засмеялся:

– Нет, Генрих. В той ситуации, которая может возникнуть в общении с ними, необходимо себя вести несколько иначе. Так, чтобы у них проявился к тебе повышенный интерес.

Глава 3

Время шло, приближалась зима. Все реже приходилось летать. Командованием отряда было наложено ограничение, при пилотировании на «Фоккере Д11» от аэродрома уходить не разрешалось, так как при зависании на фигурах высшего пилотажа мотор глох и запустить его было невозможно.

Наконец наступила ясная, хорошая погода. Начались полеты. Генриха Штайнера в числе семи летчиков определили в учебную группу инструктора Ханса Мозера, который объяснил, что курс летного обучения будет небольшой, всего восемь летных часов. Обучение будет проводиться на «Фоккере Д13». Узнав, что Штайнер знает немецкий язык, Мозер попросил его быть переводчиком. Инструктор рассказал об особенностях данного истребителя, его сильных и слабых сторонах и тактико-технических данных. После этого на учебном «Фоккере Д13» Мозер по одному разу слетал с каждым курсантом группы. На разборе полетов, он дал свою оценку каждому летчику. Особенно он похвалил Штайнера. После ознакомительных полетов на «Фоккере Д13» Генрих стал отрабатывать летные упражнения. Его полеты прошли на высоком уровне, он показал отличное пилотажное мастерство.

Здесь же, в учебной группе инструктора Мозера, Генрих познакомился с летчиком Сергеем Орловым, который по возрасту был старше его, но это не мешало им активно общаться – оба они любили летать, хорошо знали немецкий язык и занимались спортом.

В беседе с Генрихом Орлов сказал:

– Нам нужны современные истребители, такие как «Фоккер Д13», а не те, которые недавно поступили к нам на вооружение.

Генрих, размышляя, ответил:

– Не понимаю, зачем Советское правительство закупило в Голландии для ВВС РККА истребители «Фоккер Д11», которые по своим летным характеристикам гораздо хуже тех, на которых мы сейчас прошли обучение в немецкой школе. «Фоккер Д11» ни куда не годится по своим летным качествам в современном бою.

– Я думаю, идет умышленный подрыв боеспособности ВВС, и здесь не обошлось без прямого вмешательства наших противников. Считаю, что сотрудники ОГПУ обязаны активнее проводить работу в среде управленцев. Именно там надо искать вредителей, а не среди низового командного звена. Вчера опять арестовали летчика, а теперь распространяются надуманные слухи, что он шпион. Не там ищет Жданович, наверху нужно копать.

– Вот ты и сообщил бы ему об этом.

– К сожалению, не настолько близко я с ним знаком, как ты.

Генрих усмехнулся и, внимательно взглянув на собеседника, заявил:

– Насколько мне известно, ты гораздо дольше с ним знаком, чем я. Не надо лукавить. Если у тебя есть прямые улики, то советую не скрывать.

– Пожалуй, ты прав. Своими подозрениями нужно поделиться со Ждановичем.

Курс летного обучения был закончен. У Генриха сложились приятельские отношения с инструктором Хансом Мозером, который пригласил его к себе в частный дом, где он снимал внаем пару комнат.

– Если не секрет, то скажи мне, откуда ты родом? – спросил Мозер.

– Родился я в немецкой колонии Новосаратовка. Родители рано умерли, и воспитывал меня дед Карл, который работал директором школы. Все свое время я проводил в школе, а летом на полевом аэродроме. Больше и вспомнить, собственно, нечего.

В это время в дверь постучали, и Мозер крикнул:

– Не заперто, входите.

На пороге Штайнер увидел двух крепких парней. Они были уже слегка навеселе. Мозер пригласил их присесть за стол, и, повинувшись гостеприимству хозяина, они с удовольствием расположились рядом.

– Друзья мои, – сказал, Мозер, – хочу вам представить моего нового друга Генриха Штайнера. А чтобы у вас не было лишних вопросов, скажу главное, он советский летчик из немецких колонистов.

Присутствующие с любопытством смотрели на Генриха. Мозер продолжал:

– Теперь, дорогой Генрих, я представлю моих друзей – военных летчиков, это барон Клаус фон Фрич и Адольф Ничке, «Прошу любить и жаловать» – так, кажется, говорят по-русски.

– Верно, Ханс! Ты правильно усваиваешь русские поговорки. Жизнь в России идет тебе на пользу, – сострил Штайнер.

– Нет, Генрих, ты глубоко ошибаешься. Жизнь в России меня угнетает. Я не могу смотреть на эту разруху и нищету. Большевики довели страну до полного развала.

В это время в разговор вмешался Клаус фон Фрич:

– Ханс, ты не прав. Красные за короткое время взяли власть в свои руки и сумели удержать ее. А крупные державы Антанты ничего не смогли сделать. Хотя у них было все: и солдаты, и оружие, и техника, и белая армия, и, наконец, деньги. Но у них не было главного – стремления к победе и самопожертвованию во имя достижения своей цели, как это было у большевиков. Красные летчики шли на таран, уничтожая своего врага ценой своей жизни.

– Друзья, хватит о политике, – встрял в полемику Адольф Ничке, – мы же не большевики, чтобы идти на самопожертвование. Нас этому не учили. Нас учили хорошо летать и сбивать самолеты противника. А идти на самопожертвование от безысходности – это удел слабых и большевиков.

Обращаясь к Генриху, Адольф Ничке высокомерно осведомился:

– Вы, надеюсь, не большевик?

– Я летчик истребитель, – уклончиво ответил Генрих, – а не смертник.

Немецкие пилоты захлопали в ладоши, услышав ответ, который удовлетворил всех присутствующих.

– Браво, Генрих! Браво! – послышались возгласы.

Хозяин налил в стаканы водку, поднял свой стакан и произнес:

– За нашего нового друга и немца Генриха Штайнера!

Все присутствующие с восторгом и удовлетворением выпили. Затем выпили еще и еще. Они пели песни и вспоминали своих близких, которые жили в далекой Германии, за тысячи километров от Ливенска. Застолье продлилось до позднего вечера. После выпитого спиртного Генрих, уже захмелевший, ушел в свое общежитие.

* * *

Спустя некоторое время Генрих посетил городскую библиотеку. Его интересовали книги, связанные в основном с немецкой культурой и жизнью в Германии. То, что ему нашли на полках библиотеки, не удовлетворило его. Недовольный, он вышел из здания и столкнулся с Клаусом фон Фричем, который воскликнул:

– Генрих, что ты здесь делаешь!?

Штайнер от неожиданности выронил книгу. Фрич торопливо поднял ее и, посмотрев на обложку, спросил:

– Вы интересуетесь Гете? – удивился он.

– Дорогой барон, к большому моему сожалению, в этой библиотеке, кроме «Фауста» Гете, ничего приличного из немецкой литературы нет.

– Не переживайте, Генрих. Я попробую кое-что для вас подобрать. Заходите ко мне в среду вечером.

– Заранее вам благодарен, Клаус. Обязательно зайду.

Они расстались. Фрич направился в библиотеку, а Генрих Штайнер к себе. Добравшись до общежития, Генрих увидел дежурного, который сообщил, что его приглашают в штаб. Войдя в кабинет начальника штаба, он увидел Ждановича.

– Проходи и присаживайся, – вежливо встретил начальник ОГПУ и одновременно попросил хозяина кабинета распорядиться, чтобы принесли чай. Через минуту принесли две чашки. Жданович отпил глоток и спросил:

– Ну, рассказывай, что у тебя там?

Штайнер в подробностях рассказал о событиях последних дней.

– У меня сложилось впечатление, что встреча с Клаусом фон Фричем была не случайной. Книжки немецких писателей, я думаю, – это повод для встречи.

– Не спеши делать выводы. Книжки и случайная встреча – это еще не повод, чтобы подозревать. Главное хочу сказать: сегодня утром поступила шифрограмма из Москвы от Берз-ниша. В нем сообщается, что агентом германской разведки является профессиональный летчик, который напрямую связан с одним из германских руководителей московского отделения «Особой группы R» господином Отто фон Райнером. Нам стало известно, что в прошлом Райнер был кадровым военным разведчиком. На агента возложена задача: создать шпионскую сеть. Это его основная цель здесь. А летная подготовка – это прикрытие. Сегодня в особой немецкой эскадрилье примерно около шестидесяти летчиков. Наша задача – профильтровать их и выявить агента. Это сложная работа, и тебе ее надо проводить осторожно.

– Я постараюсь, Георгий Михайлович.

– Ну а с Клаусом фон Фричем встречайся и помни, что я тебе сказал.

В среду вечером Штайнер постучал в дверь и вошел в комнату Клауса. Барон принял гостя с видимым радушием и предложил выпить французского вина. После этого хозяин комнаты достал из шкафа несколько книг и предложил их Генриху:

– Выбирай, здесь у меня кроме Гете есть произведения писателей драматургов Фридриха Шиллера, Георгия Борна, Гофмана. А вот этот томик стихов написал романист Шамиссе, который, как-то путешествуя на русском корабле «Рюрик» в девятнадцатом веке, написал несколько стихов. Замечательные стихи.

Генрих, просматривая литературу, обратил внимание на книгу, лежавшую в сторонке.

– Клаус, а это что за книга, можно взглянуть?

Фрич передал ее гостю и произнес:

– Я смотрю, у тебя глаз острый. Ты как летчик ас все видишь. Пока эту книгу дать не могу, извини, Генрих.

– О чем же эта книга?

– Это книга о легендарном Зигфриде – одном из героев эпоса «Песнь о Нибелунгах». Поучительная вещь для молодого человека.

– Интересно, и чем же она может быть полезной?

– В ней написано о карликах и драконах, о дружбе и предательстве.

– Предательство – это недопустимо среди друзей. Клаус, ты меня заинтриговал. Надеюсь, когда ты ее прочтешь, я могу на нее рассчитывать?

– Безусловно, Генрих, я рад буду тебе ее предоставить. Кстати, я родился там же, где и Зигфрид, в городе Ксантен (Xanten). Это древний город, там есть на что посмотреть.

– Надеюсь, Клаус, хотя бы на фотографии ты покажешь мне Ксантен, я много слышал об этом городе от своего дедушки. Я знаю, что в конце семнадцатого века царь Петр Первый временно останавливался в городе Ксантен, направляясь в Голландию изучать корабельное дело, попутно он завербовал несколько гувернеров и мастеров, которых направил в Россию. Один из оружейных мастеров – мой предок. Поэтому мои корни тоже из города Ксанта. Разумеется, я горю желанием хоть одним глазом посмотреть на свою далекую родину.

Клаус был удивлен и, с любопытством взглянув на собеседника, заявил:

– Дорогой Генрих, я тоже слышал эту историю о русском царе, а посмотреть на свою историческую родину ты можешь хоть сейчас. У меня есть несколько фотографий, и я их сейчас тебе покажу.

Клаус фон Фрич достал из тумбочки альбом и пригласил гостя присесть рядом. Он стал перелистывать страницы. Генрих с интересом наблюдал. Вдруг Фрич остановился на одной из них и стал комментировать:

– Это замок на воде «Schloss Moyland», здесь впервые встретились Вольтер и император Фридрих Второй.

Перевернув страницу, он показал другую фотографию:

– А вот здесь одни из старейших на Рейне городских ворот, две башни которых соединены мостиком. Здесь я часто бывал со своим отчимом профессором Листом, мы прогуливались по этому мостику.

– А как же твоя мать? Она с вами не гуляла?

– Она давно умерла, и меня воспитывал отчим. Отца я не помню, он оставил мне имение и титул барона. – Вспомнив семью, Клаус опять закурил, затем продолжил: – Следующая карточка изображает красивую мельницу «Stadtmuehle», кстати, это действующая мельница. Мой управляющий имением часто привозил туда молотить зерно.

Перевернув очередной лист, Фрич воодушевился:

– Домский собор – самый красивейший в низовьях Рейна. Какое это было чудесное время, Генрих, ты не представляешь. Мы часто с отчимом туда ходили, пока у него не появилась эта коварная женщина, которая отлучила его от меня.

Фрич растрогался, достал носовой платок и вытер накатившуюся слезу. Немного помолчав, он продолжил:

– Собор носит название святого Виктора, который, как святой Гереон в Кельне, был римским легионером, пострадавшим за веру. Согласно легенде, именно здесь он и его соратники были убиты гонителями христианства. Благодаря этому событию город называется Ксантен.

Взглянув мельком на оставшиеся листы альбома, Фрич отметил:

– Фотографий больше нет. К сожалению, Генрих, на фотографии всех достопримечательностей не увидишь, их нужно смотреть наяву, вживую, чтобы понять их подлинную красоту.

Неожиданно из альбома выпала фотокарточка и упала к ногам Генриха. Он поднял ее. С фотографии на него смотрели двое мужчин и улыбающаяся белокурая девушка. Они расположились в беседке на фоне старинного замка. В одном из них Генрих узнал своего приятеля Клауса.

– А этот великолепный снимок ты утаил от меня. Нехорошо, Клаус! – воскликнул обрадованный Генрих.

Барон вдруг встревожился и слегка побледнел.

– Вижу, ты чем-то обеспокоен. Очень красивая девушка. Признайся, Клаус, кто она? – настаивал Генрих.

– Эта девушка – невеста моего друга.

И чтобы как-то отвлечь внимание собеседника от этой девушки барон начал рассказывать о замке.

– Фотограф нас запечатлел на фоне старинного замка Либенгард, который находится недалеко от Берлина. В давние времена этот замок был местом встреч членов тайного ордена «Ложа Света». Вновь вступающего в их ряды кандидата приглашали в замок для принятия клятвы. Все это происходило в полночь на фоне горящих факелов и было обставлено мистической таинственностью.

– Как это увлекательно, – с любопытством произнес Штайнер.

Как будто бы не слыша реплику собеседника, Клаус фон Фрич преобразился, вероятно, что-то вспомнив, его лицо приняло каменное выражение, а голос зазвучал громче:

– Эти ритуалы происходили в давние времена, хотя, впрочем, и в наши дни подобное встречается нередко. Советую в такие тайные общества не вступать, это налагает огромную ответственность, и секреты, в которые тебя посветят, будет присутствовать с тобой до конца жизни. Я знаю одного человека, который из этого круга посвященных не может выйти до сегодняшнего дня. Да, эта тяжелая ноша – всю жизнь нести этот крест, добровольно лишив себя свободы. Ну а чтобы увидеть Германию, не обязательно родиться там, нужно быть просто немцем и любить ее, тогда Германия откроет перед тобой свои врата.

Генрих внезапно почувствовал, что снимок, который он только что держал в руках, вызывает в его подсознании тревогу. Он ощущал на поверхности кожи зуд, а по всему телу прокатилась волна горячей крови, словно кто-то извне предупреждал его. Генрих невольно вспомнил небесных Ангелов, которые ему привиделись, когда он плывал в родном заливе в тот день, когда дед Карл нашел кованый ящик с посланием от Фрица Бича.

«Это сигнал!» – подумал он.

Глава 4

Наступило лето. Начались интенсивные тренировочные полеты. Летчик истребитель Штайнер с каждым полетом набирался опыта. Он освоил практически все типы самолетов, находящиеся в немецком авиапарке, в том числе самолет разведчик «Хейнкель ХД17». Однажды, приземлившись на «Хейнкеле» и выйдя из кабины, он встретил Ханса Мозера.

– Хорошо летаешь, Генрих! Не хотел бы я быть твоим противником в воздушном бою, но поскольку это учебные полеты, то я тебя вызываю на поединок.

– Я готов! – быстро отреагировал Генрих, – но прежде я согласую этот полет с командиром эскадрильи. – И добавил: – Если мне дают разрешение, то тогда, Ханс, встречаемся в зоне через полчаса, высота две тысячи метров, дистанция сближения – пятьдесят метров, первым нападаю я.

День выдался ясный и тихий. Видимость была хорошая. Солнце с востока ярко пылало в виде огромного красного ослепительного шара. Опытный немецкий фронтовой истребитель вышел в условленную зону. Он ожидал нападения и увеличил обороты. Истребитель набирал скорость, делая пологий разворот. Штайнер пошел в атаку, пикируя на самолет условленного противника со стороны солнца. Мозер в последний момент заметил нападающего и едва успел повернуть свой истребитель в крутой вираж, не давая советскому летчику зайти в хвост. Улучив момент, Мозер сделал неожиданный переворот через крыло и очутился в хвосте у Генриха. Бешеные акробатические фигуры следовали одна за другой, советский летчик не позволял германскому пилоту одержать над ним верх. Истребители, выделявая фигуры высшего пилотажа, постепенно удалялись из зоны.

С земли с большим интересом смотрели на схватку двух летчиков. Вот советский пилот, набрав скорость, повел самолет в петлю. За ним стал пристраиваться немецкий истребитель. Когда советский истребитель перевалил горизонт, его летчик решительным движением чуть отдал ручку управления от себя, чем сразу же приостановил обычное движение самолета по кривой. Следовавший за ним германский пилот не ожидал такого маневра и по привычке полетел вниз. Используя эту ситуацию, советский истребитель несколько секунд пролетел кверху брюхом, а потом свалился на крыло и зашел в хвост своему противнику. Не давая ему уйти, он прижал его низко к земле. Победа Генриха Штайнера была явной. Помахав крыльями вправо и влево, довольный Генрих повел самолет на посадку.

Командир эскадрильи похвалил его за отличный пилотаж и в то же время отметил серьезный недостаток:

– Товарищ Штайнер, вы нарушили дистанцию сближения, в учебном бою это недопустимо: и сами погибнете, и невинного товарища утащите за собой.

Генрих был счастлив. Он готов был целыми днями летать в воздухе.

* * *

За воздушным боем наблюдал Гельмут Хюбнер. Он видел, как два истребителя кружились, мастерски выделявая фигуры высшего пилотажа. Он спросил у проходившего мимо летчика:

– Кто устроил поединок в воздухе?

– Инструктор Мозер и советский летчик, – ответил пилот.

– Тогда посмотрю, чем все это закончится, – произнес он.

Постояв некоторое время, Хюбнер увидел результат боя. Он подозвал служащего и приказал пригласить Мозера в его кабинет. Долго ждать его не пришлось. В дверь постучали.

– Войдите, – крикнул Хюбнер.

Вошел Мозер и доложил:

– Инструктор Мозер по вашему вызову явился.

Хюбнер гневно посмотрел на летчика и сказал:

«Мозер, Мозер, вы меня совсем разочаровали. Мало того, что я запретил устраивать поединки после недавней трагической гибели двух летчиков, так вы, мастер высшего пилотажа, прославленный летчик первой мировой войны, проиграли поединок какому-то молодому русскому».

– Вы не правы, господин Хюбнер, – ответил летчик и добавил: – Генрих Штайнер, хоть и молодой, но он летчик от Бога, настоящий ас.

– Какой Штайнер, что вы тут мелете, я говорю о русском летчике.

– Он не русский, он немец, но советский летчик Генрих Штайнер.

Наступило молчание, Хюбнер с удивлением смотрел на подчиненного. Мозер пояснил:

– Штайнер – советский летчик из немецких колонистов, да, он настоящий ас и истинный немец.

Хюбнер внимательно смотрел на Мозера, потом, как будто бы опомнившись, изрек:

– Вы свободны, Мозер, но делайте выводы.

Когда Мозер вышел, Хюбнер задумался: «А я ведь слышал раньше эту фамилию».

Он поднял трубку и позвонил начальнику школы майору Вальтеру Штару.

– Господин майор, мне нужна полная информация по советскому летчику Генриху Штайнеру.

– Зачем он вам нужен, черт возьми? – услышал он в ответ.

– На его счет у меня есть кое какие соображения, – парировал Хюбнер.

– Хорошо, Гельмут, справку о Генрихе Штайнере завтра вам предоставят, – недовольно ответил майор Штар.

На следующее утро Хюбнер ознакомился с предоставленной справкой о Генрихе Штайнере. Информация о нем была скудная. Тогда он решил познакомиться с ним лично.

«Личное знакомство несравнимо ни с какой справкой, именно оно дает верное представление о человеке», – подумал он.

Хюбнер пошел в учебный корпус, где проходила предполетная подготовка с курсантами. Обходя классы, он увидел инструктора Мозера.

– Ханс, каковы успехи твоих курсантов? – обратился он.

– Занятия провожу с группой курсантов по теории воздушного боя. Хочу отметить наиболее лучших из них, это Ешонек, Шперле и Рихтсхофен.

– А остальные курсанты? – спросил Хюбнер.

– У остальных курсантов уровень подготовки пока средний.

Хюбнер вошел в класс, и курсанты встали в знак приветствия. Он обратился к ним:

– Господа курсанты, будущие летчики истребители Люфтваффе! Я обращаюсь к вам от имени руководства рейхсвера. Германия, униженная Версальским договором, пытается создать мощные вооруженные силы. Для этого она затрачивает огромные деньги для обучения на секретных базах в России военных специалистов. Для вас требуется стать хорошими летчиками, чтобы в будущем быть надежным щитом воздушных рубежей Германии. Поэтому я не приемлю плохой подготовки, это унижает достоинство немецкого летчика. Активное стремление к знаниям, к новейшей технике и ее грамотное освоение – вот та благодарность, которую мы ждем от вас, господа...

После эмоционального выступления Хюбнер пригласил к себе инструктора Мозера. Через несколько минут с некоторой осторожностью тот вошел в кабинет.

– Заходите, Ханс, не стесняйтесь.

Хюбнер, устроившись удобно в своем кожаном кресле, улыбаясь, сказал:

– Ханс, вы, когда расправлялись с русскими асами в войне с Россией в четырнадцатом году, так не стеснялись. Что с вами такое случилось? Или вы на меня обиделись после вчерашнего разговора?

– Нет, не обиделся, господин Хюбнер, но мне было неприятно.

– Ладно, выбросьте из головы эти обиды, давайте будем друзьями. Что нам с вами делить? Этого советского летчика? Так он не стоит того, чтобы на него обращали внимание.

– Я не согласен с вами, господин полковник.

– В чем дело, Ханс? – удивленно спросил Хюбнер.

Инструктор мгновенно отреагировал:

– Вы только что в классе упомянули о том, что Германия нуждается в хороших летчиках. А почему бы нам не перетянуть на свою сторону Генриха Штайнера? Ведь он такой же немец, как и мы, но только волею судьбы родился в России.

– Вот! – перебил собеседника Хюбнер. – Он родился в России, и он уже впитал в себя этот дух – дух коммунизма.

– Вы не правы, господин Хюбнер. Я был с ним в компании, и мое мнение о нем совершенно иное. Однозначно скажу, что он не коммунист, он обычный парень, как и миллионы в Германии, по сути такой же, как и мы все здесь. Больше могу сказать: это не только мое личное убеждение, но и мнение наших летчиков, которые его знают.

– А кто с ним лично знаком? – спросил Хюбнер.

– Всех я не знаю, но с Генрихом Штайнером знакомы барон Клаус фон Фрич и Адольф Ничке.

– Хорошо, Мозер, организуйте мне встречу с этим Штайнером.

– Я постараюсь, господин Хюбнер.

* * *

Генрих имел свободный доступ на посещение немецкой авиашколы. Он встречался с немецкими специалистами, обсуждал характеристики той или иной авиационной техники. Многие немцы к нему относились приветливо, а некоторые настороженно. Однажды, делая предполетный осмотр самолета разведчика «Хейнкель ХД17», он познакомился с пилотом Вилли Гертцем. По характеру Гертц был спокойный и любознательный, он часами проводил время около самолета, помогая технику устранять неполадки. Также, учитывая недоработки в конструкции самолетов, он старался внедрять новшества. Этот интерес к инженерным разработкам и сблизил Штайнера и Вилли Гертца. Когда Генрих познакомился с ним, то узнал его человеческие качества. Гертц был из простой семьи и своим трудом и целеустремленностью выбился в летчики. Он симпатизировал Советскому Союзу, и как то, встретившись на аэродроме, при разговоре с Генрихом упомянул:

– Завидую я тебе, Генрих, ты живешь при социализме во имя идеи всемирного коммунистического братства, и это хорошо – свобода и равенство.

– Ты говоришь правильные слова, Вилли, но я тебе советую, ради твоего блага, никому не произносить этого, потому что своих сторонников среди немцев вряд ли ты найдешь.

– Я благодарен тебе за предостережение, но я останусь при своем мнении.

– Понимаю тебя, и за твою прямоту я тебя уважаю, но все-таки будь осторожнее.

– Спасибо, Генрих, я это учту на будущее.

Вилли подошел ближе к Генриху и шепотом сообщил:

– Хочу тебя предупредить: тобой заинтересовался Хюбнер, я находился в кабинете майора Штара, в тот момент, когда он звонил.

– Зачем я ему понадобился?

– Я не знаю. Берегись его, он очень опасен.

Штайнер рассмеялся и заметил:

– Вилли, я на своей земле, мне бояться некого и нечего.

– Не упрощай, – серьезно отреагировал Гертц.

– Хорошо, Вилли, я прислушаюсь к твоему совету. Если еще что-нибудь узнаешь, сообщи мне, но никому более, понял?

– Я все понял, Генрих.

– Спасибо тебе, Вилли, за все.

* * *

В Берлине, на окраине района Далем, в садовой беседке расположились двое пожилых людей – мужчина и женщина. Он – худощавый, с морщинистым лицом профессор Эйген Зэхт, седоголовый интеллигентный ученый в возрасте шестидесяти лет, не выпускал из рук сигару и постоянно дымил. Она – элегантная, модно одетая фрау Мария Ориск. Ее утонченная фигура говорила сама за себя. Эта женщина следила за своей фигурой, хотя была моложе своего собеседника лишь на десять лет, а соперничать смогла бы даже с молодой девицей. Выглядела она абсолютно безупречно. Эта женщина была удивительна не только своим внешним видом, но и внутренним миром – она была умна и талантлива. Наряду с положительными чертами ее образа были и отрицательные, которые, впрочем, она ловко скрывала.

– Профессор, – промолвила она, – вы все время курите эту гадость. Неужели вам не жалко своего здоровья?

– Дорогая Мария, об этом я не думаю, меня заботит лишь моя работа и вы, мой главный вдохновитель. После того, как я побываю у вас, я заряжаюсь энергией для плодотворной последующей работы. Умеете вы настраивать меня на творческий лад.

– Благодарю вас за комплимент.

– Что вы, никаких комплиментов я не рассыпаю. Я говорю вам истину. А ароматный табак, как и мой близкий друг, помогает мне сосредоточиться на научных исследованиях. Кстати, чертежи, которые мне были предоставлены, слишком поверхностны, там нет детальных узлов.

– Я постараюсь вам помочь.

– У вас есть что-нибудь новое? – осведомился профессор Зэхт.

– Сегодня я получила письмо от сына из России. Он пишет, что случайно встретил человека, который способен прояснить ситуацию.

– Неужели он имеет в виду «Хаунебу»?

– Да, дорогой Эйген.

Глава 5

Генрих сменил место жительства. Жданович ему подобрал жилище, это был небольшой дом в центре города. Теперь он жил в частном доме, хозяйкой которого была интеллигентная пожилая полька, в прошлом учительница. Из пяти комнат, имевшихся в доме, две комнаты занимал Генрих. Этот дом его вполне устраивал, и с хозяйкой они нашли общий язык. Ежедневно она готовила ему еду.

В один из летних вечеров после тяжелых полетов, сильно уставший и с плохим настроением, Генрих возвратился домой. Хозяйка Ядвига Адамовна приготовила ужин.

– От такой обильной закуски у меня слюни потекли, – пробурчал Генрих и продолжил: – Ядвига Адамовна, к такому столу не хватает лишь стопки.

– А я не только стопку, но и графинчик водочки найду.

Хозяйка достала из буфета наполовину наполненный графин и поставила на стол, при этом пододвинула стаканчик.

– А вы выпьете со мной? – предложил он.

– Нет, я не пью, – ответила хозяйка и продолжила: – Летчики должны питаться хорошо. Сегодня вам привезли продовольственный паек. Я его положила в чулан. Вы присаживайтесь к столу, а я пойду соседку навещу.

– Спасибо вам за все, – отозвался пилот.

Генрих сел за стол. Выпил стопку водки и принялся за еду. Он ел и думал:

«Сегодняшний полет меня насторожил, я чувствую приближение опасности. Откуда она исходит, я пока не знаю. Мой техник самолета вдруг неожиданно заболел. Вместо него проводить предполетную подготовку самолета назначили другого техника: новичок, которого сегодня я увидел впервые. После взлета на своем „фоккере“ я набрал высоту около двух тысяч метров и ушел в зону. При отработке фигуры высшего пилотажа отказал мотор. Я пытался запустить его в воздухе, но безуспешно. Мотор не запускался. Пришлось планировать, и я еле дотянул до посадочного поля. Кругом овраги и деревья – мог бы не долететь. Чудом уцелел. Да, невеселая история. Когда осмотрели мотор, то причину установили сразу. Оказалось, что помпа подкачки топлива была умышленно повреждена. Доложили руководству отряда и в ОГПУ. Приехали чекисты и арестовали нового техника, который выпускал самолет в полет. Началось следствие».

Генрих выпил вторую стопку, и, нервное возбуждение поутихло.

«Кто это сделал и почему? Кто то намеревался меня ликвидировать. За что? Значит, я кому-то мешаю. Кому?»

Пужинав, Генрих вышел из за стола и пошел в свою комнату, где прилег на кровать. Он размышлял, перебирая в памяти всех летчиков и техников, имеющих доступ к его «фоккеру». Мысленно анализируя, он, уставший от дневных потрясений, уснул крепким сном.

* * *

Жданович находился в своем служебном кабинете здания Ливенского ОГПУ. Его тревожили мысли о том, что произошло накануне с Генрихом Штайнером.

«Это ЧП в воздухе ему не нравилось. Оно ломало все его планы относительно Штайнера. Оперативную комбинацию, которую он затеял, неожиданно кто-то решил сломать одним махом – убрав Генриха. Придумано грамотно. В случае, если бы их замысел удался, то это был бы несчастный случай. Доказательств никаких. А сейчас что мы имеем? Сломанная помпа и арестованный техник. Никаких зацепок. Техник все отрицает, хитрит. Молодец, Генрих, сумел самолет спасти и сам уцелел – вот что значит талант летчика. Убрать Штайнера кому-то не удалось. А значит, враг затаится, а потом повторит свой коварный замысел. Надо что-то придумать, а иначе мне грош цена, зря штаны протираю я в этом кабинете».

* * *

Наступило раннее утро. Крик хозяйского петуха разбудил Генриха. Он резко встал и принялся делать зарядку. Сделав несколько упражнений налегке, он взял гири и стал усиленно заниматься. Закончив с гирями, Генрих вышел во двор и побежал на спортивную площадку, которая располагалась за соседним забором, рядом со школой. Там уже находился его приятель Сергей Орлов, с которым они занимались утренней пробежкой.

– Ну как настроение после вчерашнего происшествия? – спросил Сергей.

– Сейчас уже нормально, – ответил Генрих.

Они побежали вдвоем по известной им тропинке, которая была истоптана любителями бега. Тропинка проходила мимо деревьев, огибая постепенно школьную площадку, на которой школьники занимались спортивными играми. Пробежав несколько кругов, физкультурники завершили свою спортивную программу и присели на скамейку. Немного отдышавшись, Генрих сказал:

– Сергей, я долго думал и пришел к убеждению, что тот, кто это сделал, знает о моих отношениях с ОГПУ.

– Не может быть. О твоей оперативной работе знают ограниченный круг лиц: некоторые сотрудники ОГПУ, начальник штаба и я. Это все преданные и проверенные люди.

– Да, да, я знаю, но факты – вещь упрямая, они сами за себя говорят.

– По-твоему, мы все под подозрением? – спросил Сергей.

– По логике так и есть, за исключением Ждановича.

– Любопытно, ты и меня подозреваешь?

В ответ Генрих пожал плечами и произнес:

– А почему бы и нет?

– Шутить изволишь?

– При чем тут шутки, когда на кону вопрос жизни и смерти, – взволнованно заявил Штайнер.

– Ну, знаешь, так мы далеко зайдем.

Орлов встал со скамейки и пошел прочь.

– Обиделся, – прошептал задумчиво Генрих.

* * *

Генрих пришел на стоянку самолетов, его уныло, с виноватым видом встретил техник Митин:

– Ваня, ты почему здесь, ведь ты болен?

– Я услышал о происшествии и пришел посмотреть самолет, – покашливая, сообщил техник.

– Не волнуйся, Ваня. Тебя никто не подозревает, так что иди домой и лечись. Ты мне здоровым нужен. Чтобы через три дня был на работе как свежий огурчик, ступай.

– Есть, товарищ командир, – ответил техник и ушел.

Генрих проследовал в штаб. На пороге его встретил дежурный.

– Штайнер, ты слышал новость?

– Какую еще новость?

– В камере ОГПУ арестованный техник покончил с собой.

Генрих был потрясен. Немного подумав, он обратился к дежурному:

– Слушай, Петров, дай мне срочно дежурную машину, мне в город надо.

– Хорошо, – произнес дежурный и добавил: – Прошу долго не задерживать машину.

– Спасибо, ты настоящий друг.

Генрих заскочил в кабину автомобиля и крикнул водителю: – Давай в город, и быстрее!

Водитель резко рванул с места. Набрав предельную скорость, он доставил его в город. Выйдя из автомобиля за квартал от ОГПУ, Генрих быстро добрался до места. Дежурный проводил его в кабинет Ждановича.

– Заходи, Генрих, рад тебя видеть, – сказал хозяин кабинета, увидев гостя.

– Георгий Михайлович, это правда?

– Да, Генрих! Сегодня утром нашли его повешенным. Сам он этого сделать бы не смог.

Кто-то ему помог?

– Да вы что? В вашем-то учреждении! – удивился летчик.

– Сам не понимаю, кадры работают проверенные. Сейчас всю конвойную смену вместе с начальником арестовали. Следователь к делу подключился. Завелась какая-то паршивая овца. Ты что стоишь? Присаживайся!

– Некогда мне здесь рассиживаться. Меня ждут дела.

– Да подожди ты со своими делами. Тут только что Орлов был. Обижается на тебя. Он говорит, что ты его подозреваешь. Ты не прав – Орлов наш сотрудник. Я запрещаю делать преждевременные выводы, так можно дров наломать. Понял?

– Понял, Георгий Михайлович. Это я так, к этому меня привело логическое умозаключение.

Жданович с недовольным видом смотрел на Генриха и поморщился:

– Не привело, а подвело. В людях надо разбираться, Штайнер, – хмуро произнес чекист.

Неожиданно зазвонил телефон. Хозяин кабинета поднял трубку и выслушал.

– Хорошо, сейчас буду, – ответил Жданович и продолжил: – Все, мне пора к следователю.

А ты иди и запомни, что я тебе здесь говорил.

Глава 6

Таинственное двухэтажное здание ОГПУ находилось в центре города Ливенска. Фасадная часть здания выходила на центральную улицу, а ее двор и небольшая тюрьма располагались за зданием, в тыльной ее части. С двух сторон к зданию примыкал глухой каменный забор, который и опоясывал всю территорию этого заведения площадью полгектара. Трехэтажная кирпичная тюрьма была старой постройки, на окнах имелись прочные решетки, которые не оставляли никаких шансов обитателям этого заведения сбежать. В следственной комнате производился допрос арестованного охранника. Следователь Земцов, крепкий мужчина средних лет, сурово смотрел на арестованного Казымова и говорил:

– Я тебя предупреждаю в последний раз, Рахим: если ты всю правду не расскажешь, то я тебя, как врага народа, лично расстреляю вот из этого нагана.

– Гражданин следователь, я боюсь. Мне и моей семье угрожают. Накануне моя дочь пропала, она не вернулась из школы. Мне подкинули записку с угрозой: если я все расскажу, то дочь свою больше не увижу.

– Врешь, Казымов! Ты все врешь! – возмущенно воскликнул следователь.

Дверь открылась, и вошел Жданович. Земцов встал.

– Сиди, сиди, Степан, я послушаю, что этот басмач говорит.

Арестованный Казымов повернулся к вошедшему начальнику и обиженно произнес:

– Эх, гражданин Жданович, я специально, что ли, меня заставили под угрозой смерти моих близких людей.

Жданович сердито спросил:

– За что ты человека убил, басмач недобитый? Если сейчас все не расскажешь, то я тебя расстреляю, мне дано такое право. Твою жену и детей, как семью врага народа, мы отправим на север по этапу, и вряд ли они выживут в этой холодной и голодной северной тундре.

Узбек Казымов покраснел. Он смотрел на начальника, и из глаз его потекли слезы.

– Ты меня на жалость не бери, Казымов, я тоже человек. Если все честно расскажешь, то семью мы не тронем. В этом случае тебя отдадим под трибунал, он учтет твоё откровенное раскаяние, и, может быть, тебя не расстреляют. Сейчас все зависит от тебя, Рахим.

– Хорошо, гражданин начальник. Я все расскажу.

Казымов вытер рукавом гимнастерки слезы на щеках и попросил воды. Следователь Земцов налил ему стакан воды из графина. Подследственный с жадностью выпил воду и начал свой рассказ:

– Жил я раньше в теплых краях, в моей далекой Родине. Хозяин был местный бай. Он относился ко мне хорошо и сделал меня управляющим его имением. Я обзавелся семьей, своим домом и хозяйством, жил неплохо. У хозяина был молодой друг, подпоручик Альфред Бергер. Он часто приезжал к нему в гости. Они пировали, ездили на лошадях, охотились. Однажды я организовал им охоту на волков. Мне тоже пришлось вместе с ними участвовать, но произошла беда. Я недоглядел, и по моей вине хозяин попал под выстрелы охотников и погиб. Родственники хозяина хотели меня растерзать. Я благодарен Бергеру, который вступился за меня и забрал мою семью к себе в имение. Так я оказался здесь, работал у него в хозяйстве. Когда началась революция, он уехал к себе на родину, в Германию, а его имение разграбили. Потом он вдруг объявился и сообщил мне, чтобы я молчал и о нем никому не рассказывал. Прошло два года, и он опять пришел ко мне домой и попросил помощи, ведь я был его должником. Я согласился и минувшей ночью во время дежурства задушил техника. Вот и все.

– Где его можно найти? – спросил Жданович.

– Не знаю. Он ушел и больше не появлялся. Бергер предупредил меня, чтобы я его не искал, если ему нужно будет, то он сам объявится.

– А теперь, Рахим, опиши его внешние данные.

Казымов, как мог, описывал внешние данные своего бывшего хозяина. Жданович слушал подследственного, и его воображение мысленно рисовало образ Бергера. На миг он поймал себя на мысли, что отличительные черты подпоручика ему кого то напоминают.

«Уж больно знакомый образ. Где я мог видеть его?» – размышлял он.

Отдаленная слабая догадка стала возникать в его сознании. Думая об этом, Жданович встревожился, и холодный пот проступил на лбу. Он откинул эту назойливую мысль, пытаясь нацелить логику своих размышлений в другом направлении, но этот навязчивый образ вновь и вновь возникал в его сознании.

– С ума можно сойти! – произнес он.

– Что случилось? – отреагировал Земцов.

– Ничего, ничего, Степан, это я так, не дают покоя голове разные мысли.

– А-а-а, бывает, – в недоумении произнес следователь.

Жданович вышел из следственной комнаты и направился в свой кабинет. Пройдя через внутренний двор, он вошел в главное здание своего учреждения и спустя минуту открыл дверь в кабинет. Тот, кого он неожиданно увидел там, заставил его на миг растеряться. Еще толком не понимая своих действий, а скорее подчиняясь импульсу внезапно охватившего его волнения и догадки, Жданович выхватил свой наган и направил его на гостя.

– Руки вверх, Бергер! Казымов во всем признался.

Гость вдруг вздрогнул и навскидку дважды выстрелил в вошедшего начальника, который, падая, успел произвести ответный выстрел. Бергер, раненный в плечо, тут же распахнув окно, стремительно выпрыгнул со второго этажа. Охрана и сотрудники ОГПУ, услышав выстрелы, прибежали, но виновник уже исчез, началось преследование, но безуспешно.

Раненого, истекающего кровью Ждановича, незамедлительно доставили в больницу. Ему сделали операцию. Вскоре, узнав о случившемся инциденте, в больницу прибежал Штайнер и вошел в кабинет врача.

– Доктор, как себя чувствует Жданович?

Врач, многозначительно сделав паузу, ответил:

– Состояние его тяжелое, он потерял много крови и в сознание еще не приходил. Мы делаем все возможное. Сейчас одна надежда – на его сердце, если оно выдержит, то больной поправится.

– Прошу, доктор, к нему никого не впускать.

– Относительно его я уже получил распоряжение следователя Земцова. У палаты больного выставлена охрана. Мне предоставили список лиц, которые могут его посещать, – ответил доктор.

– Покажите мне список, – попросил Штайнер.

Доктор передал лист бумаги. Генрих прочитал и произнес.

– Я прошу вас, доктор, пока Жданович не придет в сознание, никого не впускать к нему в палату. Нечего на него смотреть. Существует тайный враг, который заинтересован в его смерти, и он где-то рядом.

– Да, да, я понимаю, но просьбу вашу согласуйте со следователем Земцовым.

– Разумеется, – ответил Генрих.

Уже вечерело, когда Штайнер вышел из больницы. Он направился к себе домой и думал о Ждановиче.

«Что такое могло произойти в кабинете начальника ОГПУ? Кто поднял руку на Ждановича? Кто имел доступ в его кабинет? Одни вопросы. Тогда начнем по порядку. Посторонние люди в кабинет не войдут, а тем более если там нет Ждановича. Из этого следует, что в кабинете был человек, который входит в узкий круг приближенных к Ждановичу. Кто? Об этом знает он сам, но Жданович сейчас помочь не может, значит, подсказать некому, доверять тоже

некому. Все под подозрением, а это значит, нужно додумывать самому и только самому. Где-то затаился тайный враг и выжидает. Сейчас главная опасность для врага – это выздоровление Ждановича, потому что именно после его пробуждения все сразу выяснится».

Невольно ноги понесли его к зданию ОГПУ. Там его встретил следователь Земцов.

– Степан Степанович, я считаю, ночью необходимо выставить в больнице засаду.

– Зачем? – спросил он.

– Я полагаю, что враг может вернуться и ликвидировать единственного свидетеля его тайны – самого Ждановича.

Земцов сделал недовольный вид:

– Генрих, вы преувеличиваете, все гораздо проще. Враг ранен и перепуган. Он уже далеко от нас и зализывает свою рану.

– Вы говорите, враг ранен? – спросил Штайнер.

– Да, Жданович успел выстрелить и попал в него. Мы обнаружили кровавые следы на полу, подоконнике и окне. Поверьте, из него кровь хлестала, как от подрезанного поросенка. Я думаю, рана у него серьезная, а поэтому нам опасаться его не стоит. Единственно, чем мы сейчас занимаемся – это выясняем, кто из посторонних входил в здание. Дежурный уже допрошен. Мы допрашиваем всех сотрудников здания, кто в этот период мог его видеть. Все сотрудники сейчас в этом здании под подозрением, и все находятся на своих рабочих местах. Посредством исключения мы выйдем на виновника. Не может быть, чтобы его никто не видел.

– Позвольте мне присутствовать?

– Нет, Генрих, я знаю, что Жданович вас уважает, но присутствовать при допросах сотрудников ОГПУ я вам запрещаю. Мой совет вам: занимайтесь своим делом. Не надо, чтобы вас здесь часто видели.

Штайнер вышел из здания и направился домой, но ноги его непроизвольно повернули в другую сторону. Да, он понимал, куда идет. Он шел и не чувствовал ног, они сами его вели, подавляя его волю. Скорее трезвый расчет и железная логика бескомпромиссно вели его в нужном направлении.

«В этом сложном деле нельзя ошибаться, вешая ярлык подозрения на преданных людей. Невольно брошенная тень может обидеть честного человека. Ошибка может дорогого стоить, но что делать, когда цепь логичных рассуждений приводит именно к такому умозаключению, от которого мороз по коже. О существовании самого понятия предательства кровь стынет в жилах, потому что это самое коварное и гнусное из всех преступлений», – размышлял Генрих.

Наконец перед ним знакомая калитка, он вошел и увидел бурые пятна на земле.

«Я не ошибся. Следы крови – это улика», – подумал он.

Осторожно пробираясь вдоль кустарника и других насаждений, Генрих приблизился к веранде частного дома. Краем глаза он уловил, как в окне дернулась занавеска. Спустя мгновение Генрих потянул на себя входную дверь и увидел перед собой бледное лицо Сергея.

– Что случилось? – спросил Орлов.

– Это у тебя надо спросить! – эмоционально выкрикнул Генрих.

Сергей растерянно смотрел на гостя. Его плечо было перевязано бинтом, оттуда проступала кровь. Штайнер вынул наган и направил его на приятеля:

– Мне все ясно, живо одевайся и пойдешь со мной.

Орлов молчал. Он понимал всю трагичность своего положения.

– Отпусти меня, Генрих. Я уеду из этого города, и меня никто не найдет. Если ты меня сдашь в ОГПУ, то меня расстреляют.

Генрих увидел испуганную физиономию Сергея и раздраженно спросил:

– Ответь мне, зачем ты хотел меня ликвидировать? Ведь я ничего тебе плохого не сделал.

– Всему причина – моя гордыня и слишком высокие амбиции, все дело именно в этом.

– Врешь! Ты враг! На кого работаешь? – возмущенно выкрикнул Штайнер.

– Я не вру, и это правда.

– Тогда зачем тебе понадобилось стрелять в Ждановича?

– Он узнал, кто я на самом деле. Сработала реакция самосохранения, и я машинально выстрелил в него. Жданович жив?

– Конечно, жив! – ответил Штайнер.

– Слава Богу!

– Не богохульствуй, Сергей, если попался, то умей держать ответ.

– Не веришь, но, правда, и я рад, что Жданович жив, – грустно произнес Орлов.

– И кто же ты на самом деле? – спросил Генрих.

Орлов молчал, обдумывая свое незавидное положение. Тишина растянулась.

– У меня еще есть время, и я могу подождать, – добавил Штайнер.

Орлов нахмурился, что-то вспоминая, и через минуту начал говорить:

– В таком случае расскажу все, ничего не скрывая. У моего отца было крупное имение в этих краях и была текстильная фабрика. Пришла революция, и все пропало. Красная гольтыба все растащила. Кто был никем, тот стал всем. Меня это возмутило, и я пошел воевать против красных. В армии Деникина был отряд аэропланов. Меня научили летать на них. Пришло время, и я остался один перед дилеммой: оставаться на Родине или бежать со всеми на чужбину. Я выбрал первое. Свою настоящую фамилию Бергер я сменил на Орлова. Обзавелся новыми документами, выучился на летчика, и судьба меня вновь забросила на свою родину, в этот город. Хотел я начать новую жизнь и сделать карьеру, но появился ты и все мне испортил, Жданович отдал предпочтение тебе. Руководство авиаотряда тебя уважает и доверяет, а я постепенно ушел на второй план. Меня это не устраивало, мои амбиции сделали свое дело, и получилось все то, что мы имеем сейчас. Весь драматизм происшедшего – в моей неумной гордыне, я не привык уступать.

– Все равно тебе придется отвечать.

– Отпусти меня, Генрих. Что тебе с того, что я раньше времени сгину? Не бери грех на душу!

– Легко тебе говорить, а как же этот техник, которого задушили? Он в чем виноват?

– Это бывший подпоручик Добровольческой армии Гаевский. Это была его инициатива. С моего молчаливого согласия он повредил топливную помпу на твоём самолете. Он проживал в этом доме, в соседней ее половине. Там, в комнате, лежат его личные вещи, есть фотографии и документы, которые подтверждают мои слова. Кстати, это он убил настоящего техника, который ехал в поезде в Ливенский авиаотряд из штаба армии. В этом же поезде ехал Гаевский, который застрелил техника и присвоил себе его документы. Когда я увидел его в авиаотряде, я испугался, поскольку вместе мы служили в авиаотряде у генерала Деникина, но потом все разрешилось само собой.

– Принеси мне его документы и не вздумай что-либо выкинуть, я буду стрелять без предупреждения.

– Господь с тобой, Генрих. У меня и в мыслях такого нет.

– Да, так я тебе и поверил.

Бергер принес документы своего соседа и передал Генриху, который внимательно ознакомился с ними. Он взглянул на фотографию, с которой на него смотрел улыбающийся подпоручик Гаевский. В нем Генрих узнал нового техника самолета. Слова собеседника подтвердились.

Бергер пристально смотрел на Генриха. В его глазах Генрих прочитал мольбу о пощаде и животный страх.

«Какой он мне враг, он просто несчастный и запутавшийся в жизни человек, пусть идет куда хочет», – подумал он.

– Будем считать, что я тебе поверил. Жизни мне твоей не нужно, ступай куда хочешь. Но знай: на моем пути не попадайся, не пожалею больше. Мой тебе совет: немедленно уезжай из этих мест, да подальше. Прощай! – произнес Генрих.

– Спасибо тебе, я этого никогда не забуду! – взволнованно сказал Бергер.

Генрих повернулся и вышел в ночь, лишь одна мысль мелькнула у него в голове: «Если я не правильно поступил, то время рассудит».

На следующий день Жданович очнулся и сообщил следователю Земцову о том, кто его ранил. Когда сотрудники ОГПУ прибыли по адресу, то виновника не обнаружили. Бергер скрылся. Поиски к положительным результатам не привели.

Постепенно Жданович шел на поправку. Врачи разрешили ему вставать с кровати и общаться с посетителями. Штайнер вошел к нему в палату и увидел веселого Ждановича.

– Наконец я дождался тебя, Генрих! – радостно выкрикнул больной.

– Я рад за вас, Георгий Михайлович, вижу, дело пошло на поправку.

– Да ладно тебе, присаживайся.

Он указал на единственный стул в палате.

– А все таки, Генрих, ты молодчина! Твое предчувствие и твоя бдительность тебя не подвели. Ты распознал в лице Орлова скрытого врага и предупреждал меня об этом. Да, жаль, не понял я тебя тогда, уж больно хитер он оказался. Как он маскировал свое истинное обличье, даже меня, старого и опытного следопыта, он переиграл. Да, вижу, быть тебе настоящим чекистом.

– Увольте меня от этих оперативных дел, я хочу оставаться просто летчиком. Мне нравится моя профессия, – категорично произнес Штайнер.

– Нет! Будешь работать там, где партия прикажет, ты человек военный. Я не могу тебе позволить в такой момент выйти из игры, – резко выпалил Жданович, потом смягчился и дружески произнес:

– Ты сам подумай: лучше тебя задание никто не выполнит. К тебе уже проявляют интерес некоторые германские летчики.

Штайнер немного смутился и ответил:

– Извините меня, Георгий Михайлович, я погорячился.

– Вот и славно, что ты все понимаешь. А сейчас послушай меня внимательно. По сведениям, поступившим из центра, в паре с германским агентом работает молодая женщина. Она лично знакома с господином Отто фон Райнером, поэтому слишком широк диапазон ее полномочий. Известно, что к советским летчикам она проявляет искренний интерес. Твои действия должны быть направлены на сближение с германским персоналом, но старайся держаться достойно, настоящие немцы это ценят.

– Но все же есть хотя бы ее приметы? – спросил Штайнер.

– Если бы я знал! Тебе необходимо выяснить это самому.

Глава 7

Наступил воскресный день. Для большинства летного состава это был выходной день. Генрих был приглашен к Хансу Мозеру на именины. Торжество проводилось в узком кругу друзей в помещении летной столовой. На торжестве присутствовали ранее знакомые Генриху летчики, а также несколько новых пилотов. Были здесь и приглашенные русские девушки из обслуживающего персонала. На столе были хорошие вина и обильная закуска. Летчики изрядно выпили спиртного и танцевали с девушками под вальс Шопена. Играл патефон, который активно раскручивал немецкую пластинку. Генрих сидел за столом и о чем то оживленно беседовал с Мозером. В этот момент к их беседе присоединился Гельмут Хюбнер. Мозер и Штайнер из вежливости встали. Хюбнер обратился к Мозеру:

– Ханс, познакомь меня с единственным советским летчиком в нашей компании.

– С удовольствием, господин Хюбнер.

Мозер, похлопав Генриха по плечу, заявил:

– Это мой друг Генрих Штайнер, а это...

– Позволь я сам за себя отвечу, – перебил Хюбнер и произнес: – Полковник Гельмут Хюбнер! Здесь, в учебном центре, я являюсь представителем штаба Люфтваффе.

– Я очень рад знакомству, господин Хюбнер, – отреагировал Штайнер.

– Я тоже рад знакомству, Генрих. Я наблюдал воздушный бой, который вы искусно провели. Мозер был не на высоте. Признаюсь, для меня это было обидно, а вы, Штайнер, молодец. Нам сегодня не хватает таких летчиков, как вы.

– Извольте с вами не согласиться, господин Хюбнер, инструктор Мозер – великолепный пилот. В этом учебном бою мне просто повезло. Если, не дай Бог, это был бы настоящий поединок, еще неизвестно, кто бы вышел победителем. В данном случае необходимо не только мастерство, но и опыт ведения воздушных поединков в боевых условиях. Здесь необходимы выдержка и хладнокровие. Этих качеств у Мозера предостаточно, не то что у меня.

– Не прибедайтесь, Штайнер, то, что вы скромный, красит вас. Поверьте мне, вы хоть и молодой пилот, но если будете и дальше работать над своим мастерством, у вас будет большое будущее. Вам останавливаться на достигнутом нельзя.

– Я с вами согласен, – отреагировал Штайнер.

– Уверяю вас, Генрих, пройдет еще какое-то время, и у Люфтваффе появятся свои молодые асы. Я благодарен Советскому правительству за Рапалльское соглашение, оно дает нам возможность осуществить свои планы.

– Совместные планы, – уточнил Штайнер.

– Да, конечно, совместные планы, ведь за соглашение, которое мы заключили, ваша сторона получает право на участие в испытаниях новейших образцов самолетов.

– Мне это известно, – отреагировал Генрих, – хорошо бы посмотреть на технические новинки.

– Дорогой Генрих, я вам предоставляю эту возможность – не только посмотреть, но и поучаствовать.

– Спасибо, господин Хюбнер, я буду ждать приглашения.

– Не нужно благодарностей, ведь это наша обязанность.

* * *

Ждать Генриху пришлось недолго. Хюбнер свое обещание сдержал. Генрих был включен в группу испытателей очередных «фоккеров», поступивших накануне в авиашколу. Испы-

тивать пришлось одновременно две одинаковые модели истребителей. В кабину одного сел Мозер, в кабину другого – Штайнер. У каждого из них была своя зона для выполнения задания. Они взлетели по очереди. Находясь на старте, Хюбнер с интересом наблюдал за ними. Внезапно самолет Мозера резко изменил курс и режим полета, круто с полным газом дал «горку» и оттуда спикировал на Генриха, но тот, очевидно, зорко наблюдавший за Мозером, быстрым маневром вышел из-под атаки и решительно перешел в контратаку. Начался воздушный учебный бой на высоте двух тысяч метров. Самолеты свечой поднимались в небо, оттуда пикировали вниз, и казалось, что они вот-вот врежутся в аэродромные постройки, но буквально над крышами зданий они снова крутыми виражами уходили в небо и там продолжали воздушную карусель. Бой продолжался двадцать минут, после этого оба спланировали к аэродрому, истребители пристроились друг к другу и парой сделали отличную посадку.

Увидев Хюбнера на старте, пилоты подошли к нему и доложили: – Задание выполнено.

– Я наблюдал ваш поединок, – заметил Хюбнер и продолжил: – Я остался доволен вами. Неплохо.

Затем, обратившись к Штайнеру, он спросил:

– Генрих, как тебе новая техника?

Удовлетворенный Генрих ответил:

– Великолепный экземпляр, была бы моя воля, то целыми днями летал бы на такой технике.

– А кто вам мешает? Переходите к нам, и будете летать без ограничений.

Генрих решил промолчать и, не отвечая на реплику, ушел прочь.

– Займитесь им, Ханс, понравился мне этот летчик.

– Слушаюсь, господин Хюбнер.

* * *

Был теплый летний вечер. Генрих пораньше возвращался домой. Войдя в калитку, он увидел в беседке хозяйку, а вместе с ней белокурую девушку.

– Здравствуйте, Ядвига Адамовна, я вижу, вы не одна. У вас гости?

– Здравствуйте, Генрих. Присоединяйтесь к нам.

Штайнер подошел ближе и, обращаясь к девушке, спросил:

– Ваше лицо мне знакомо. Где же я мог вас видеть?

– Позвольте мне представить мою племянницу, – как будто опомнившись, встрепенулась хозяйка, – ее зовут Матильда Левандовская. Она работает в библиотеке.

– Да, именно там я вас видел, – обрадовано произнес Штайнер. – И тем не менее я не могу избавиться от мысли, будто бы я видел вас, где-то еще.

– А я вас помню. Вы интересовались немецкой литературой, но, к сожалению, кроме томика Гете, у нас ничего не нашлось, – произнесла девушка.

Ее нежный голос и целеустремленный взгляд привлекли внимание Генриха. Она в упор смотрела на него, отчего ему стало неловко. Ее взгляд обезоруживал его, он чувствовал себя перед ней словно голый беспомощный младенец. Все замолчали. Напряжение нарастало. Хозяйка оглядела обоих и, чтобы несколько смягчить обстановку, обратившись к Штайнеру, спросила:

– Чем вы думаете заниматься сегодня вечером?

– Еще не решил, – ответил Генрих.

– Тогда у меня есть предложение – после ужина поиграть в карты, а ужин мы сейчас с Матильдой быстро приготовим. – И, обращаясь к племяннице, хозяйка спросила: – Правда, Матильда?

– Разумеется, тетя, – отреагировала она.

– Я согласен, – ответил Генрих.

Он пошел следом за ними к дому. Впереди шла Матильда. Его обоняние чутко уловило запах волнительных духов, исходивших от нее. Красивая, стройная фигура девушки впечатляла. Волна возбужденного чувства накатила на Генриха. Но на душе у него было странное ощущение. Он еще не понимал истинного его значения. Лишь предчувствовал, что за внешней ее доброжелательностью кроется какая-то напряженность. По мере осознания внезапно возникшего открытия к нему пришло чувство тревоги. Он вспомнил последние события и предупреждения Ждановича: «Необходимо быть бдительным!» Противопоставив понятие «бдительность» этой белокурой девушке, он усмехнулся своей чрезмерной подозрительности.

«Если всех подряд подозревать и даже в этой милой девушке видеть врага, то можно просто сойти с ума», – подумал он.

Генрих усмехнулся, отбросил прочь надуманные и необоснованные подозрения и следом за девушкой вошел в дом. Ужин был очень вкусный и всем понравился. Домашнее вино, которым угостила хозяйка, было хмельным, что позволило всем расслабиться и снять напряжение, возникшее между Генрихом и Матильдой в начале знакомства. Начатая игра в карты не удалась потому, что из вежливости друг к другу никто не хотел обидеть противника, а поэтому играли просто в поддавки. Время шло, а на улице уже смеркалось. Матильда засобиралась домой. Генрих вызвался проводить.

Молодые люди вышли из дома и пошли по улице. Яркое полнолуние и звезды, рассыпанные по всему небосводу, освещали им дорогу. На улице было тихо, лишь изредка слышался лай собак, которые отдаленно из разных дворов ненавязчиво перекликались друг с другом. Они шли молча, и каждый думал о своем. Первой молчание нарушила она:

– Генрих, вам нравится летать?

– Разумеется, – ответил он и продолжил: – Я бы сказал, без этого я не вижу смысла жизни.

– Неужели, кроме самолетов, вас больше ничего-то не волнует? Ведь в жизни столько всего интересного.

– Ну почему же, в жизни меня многое интересует, но авиация – это особый случай. Освоение современного истребителя – мечта каждого пилота, и я один из них. В воздушном бою за кем окажется превосходство в маневренности, скорости и высоте, конечно же, не исключая бортовое вооружение, тот займет господствующее положение в воздухе. А это, любезная Матильда, уже напрямую связано с обороноспособностью страны.

– Вы просто патриот. Если бы у меня был такой надежный защитник, я бы могла им гордиться. Будьте моим другом?

Генрих смутился. Восторженное высказывание этой удивительной девушки его впечатлило, и, немного подумав, он произнес:

– Я хочу вас разочаровать, любезная Матильда: у меня есть невеста.

– Ну и пусть, я в жены вам не набиваюсь. Речь идет лишь о дружбе, о настоящей дружбе.

– Но простите меня, или я чего-то не понимаю. Мне казалось, что дружба возможна только между мужчинами либо между женщинами. Но дружбы между девушкой и мужчиной не бывает, потому что такая дружба может перерасти во что-то другое.

– А вот и неправда. Дружба между девушкой и мужчиной существует. Я знаю это точно.

И, чтобы сделать что-нибудь приятное этой милой девушке, Генрих, улыбнувшись, промолвил:

– Ну, тогда я клянусь вам в своей вечной дружбе.

Внезапно лицо девушки приняло строгое выражение, и она сказала:

– Клятва – это процедура ответственная. Существуют люди, у которых нарушение клятвы карается смертью. Поэтому к его значению нужно относиться очень серьезно.

Генрих в недоумении смотрел на девушку, соображая, как воспринимать ее реплику, и невольно изрек:

– Думаю, в своей библиотеке вы читаете много книжек на эту тему. Клятва и смерть как понятия существовали давно, а сейчас их можно встретить лишь в любовных романах. Выбросьте из головы эту ерунду.

Матильда вдруг рассмеялась и вбежала в калитку. Уже с крыльца дома она выкрикнула:

– Я вам тоже клянусь!

Генрих стоял и смотрел, как в доме зажглись окна. Ему не хотелось уходить, что-то неведомое удерживало его на месте. Каким-то внутренним чутьем он тонко ощущал некоторую загадочность этой милой особы. Волнение, нахлынувшее на него внезапно, пробудило в нем чувства. Так простояв некоторое время, он неожиданно опомнился и пошел в обратном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.